

ПРОФЕССОР
СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ СМИРНОВ
(† 4 июля 1916 года)

Москва 2009

ББК 86.372+ 63.3(2)5.3
П 84

Издание подготовлено ПКИ — Переславской Краеведческой Инициативой.

Редактор А. Ю. Фоменко.

Печатается по:

Профессор Сергей Иванович Смирнов († 4 июля 1916 года). —
Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1916.

П 84 Профессор Сергей Иванович Смирнов († 4 июля
1916 года). — М.: MelanarĖ, 2009. — 38 с.

Сергей Иванович Смирнов — ординарный профессор Московской духовной академии, церковный историк. Краткий некролог сообщает основные факты его биографии, круг его научных интересов.

Приводится библиография 135 изданных и 5 неизданных работ Сергея Ивановича. Сделаны указатели.

ББК 86.372+ 63.3(2)5.3

© MelanarĖ, 2009.

С. И. Смирнов

(8-го сентября 1870 г. † 4 июля 1916 г.)

4-го июля сего года Московская Духовная Академия понесла тяжёлую утрату в лице скончавшегося ординарного профессора её по кафедре истории русской церкви, Сергея Ивановича Смирнова.

с. 1

Покойный родился 8-го сентября 1870 года в селе Большая Брембола, Владимирской губернии, Переяславского уезда, в 3-х верстах от г. Переяславля-Залесского.¹ Родитель Сергея Ивановича о. Иоанн Сергеевич Смирнов († 1900 году) в течение 33-х лет (с 1867 года) служил в этом селе священником. Кроме покойного, в его семействе было ещё три сына и три дочери, из которых два брата и все сёстры были моложе С. И—ча. Отличительной чертой в характере о. Иоанна была его незаурядная для сельского священника любовь к книгам и к кабинетным занятиям, соединявшаяся с почти совершенным равнодушием к хозяйственно-практическим вопросам жизни. Он большую часть своего времени проводил в чтении книг, собравши у себя довольно значительную библиотеку преимущественно святоотеческого и проповеднического содержания, много занимался составлением поучений, с любовью вёл церковную летопись своего прихода и даже поместил во Владимирских Губернских Ведомостях (за 1878 год) археологическую заметку: «Надпись на кадиле в церкви с. Большая Брембола в Переяславском уезде». Главная тяжесть по ведению хозяйства и воспитанию детей лежала на его супруге Анастасии Васильевне (урождённой Загорской). Это была женщина очень умная и энергичная, умело правившая на только своим домом, но отчасти и приходом, имевшая громадное влияние на своих детей, и всю свою долгую жизнь († 1914 году в Сергиевском посаде) пользовавшаяся с их стороны исключительным уважением. Всячески изворачиваясь, она сумела при всей скудости средств сельского священника вывести в люди всех своих детей: все сыновья её получили высшее образование, а дочери обучались в средних учебных заведениях и были устроены замуж.

с. 2

В раннем детстве С. Ив. был флегматичным и малоподвижным ребёнком, — черты, перешедшие к нему от отца. Хотя эти черты с годами значительно сгладились в нём, так что в отрочестве и юности, в близком кругу своих родных и двоюродных братьев и сестёр, он был и бойким рассказчиком и смехотворцем, но в мало знакомом обществе обыкновенно замолкал, дичился, уходил в себя. Следы такого прирождённого характера оставались в С. И. и до конца его жизни. Выучившись грамоте весьма рано, он очень полюбил книги, но так как детских книг в доме почти не было, то ему нередко приходилось перечитывать свой, купленный матерью на ярмарке, букварь, несмотря на то, что почти все страницы его были известны ему наизусть. Несомненно, под влиянием живых воспоминаний об этой своей неудовлетворённой жажде книг в детстве, сам С. И. впоследствии очень любил дарить детям книги и умел выбирать их со вкусом.

В 1880 году С. И. был отдан в приготовительный класс Переяславского духовного училища. В течение всего времени обучения в этом училище он жил на квартире со своим старшим братом и группой товарищей. На первых порах своей училищной жизни С. И., может быть, вследствие недостаточной домашней подготовки, не отличался блестящими успехами, но уже к половине училищного курса занял первое место среди своих сотоварищей, удержав это место и при переходе в семинарию. Громадное влияние на С. И. в этот период его жизни имел дядя его по матери, Михаил Васильевич Загорский (ныне епи-

с. 3

¹Историко-археологические и этнографические сведения об этом селе даны старшим братом С. И. — Михаилом Ивановичем Смирновым в «Трудах Владимирской Архивной Учёной Комиссии» за 1908 год: «Село Большая Брембола» (1—109 стр.).

скоп Муромский Митрофан), состоявший тогда учителем греческого языка и церковного пения в Переяславском духовном училище и живший вблизи от того дома, где квартировал С. И. Сам в высшей степени трудолюбивый и исполнительный по службе, зорко следивший за воспитанием и учебными занятиями своих детей, он не опускал из виду и своего племянника, внимательно наблюдая за его поведением и успехами в училище, и ежедневно выслушивая задававшиеся ему уроки: ему то С. И., несомненно, много обязан той привычкой к строгой добросовестности и методичности в своих учебно-научных занятиях, которой он впоследствии изумлял своих товарищей и по семинарии и по академии. Влияние этого же дяди на С. И. может быть, имело и более специальный характер. М. В. Загорский в то время усердно занимался изысканиями в области местной церковной истории, приводя в порядок и известность старинные архивы бывшей Переяславской духовной консистории и духовного правления.¹ К посильному участию в этих своих архивных занятиях Михаил Васильевич привлёк и своего любознательного племянника, который, по словам преосвященного Митрофана, таким путём уже в то время приобрёл некоторый навык обращаться со старинными рукописями и «делами». Может быть, среди таких занятий, в роли учёного сотрудника своего дяди, уже в эту пору зародился в С. И. тот интерес к изучению родной старины, и вообще к исторической науке, который во всяком случае сказался в нём рано, определившись вполне ярко ещё на семинарской и студенческой скамье.

Среднее образование С. И. получил в Вифанской духовной семинарии.

с. 4 Талантливый, трудолюбивый и скромный юноша, он в течение всех лет обучения в ней занимал первые по успехам места в своём классе. Из своих семинарских наставников он с особенною любовью вспоминал впоследствии о Н. П. Добронравове, преподававшем богословские науки.

Окончив семинарский курс весной 1891 года, С. И. осенью того же года держал приёмные экзамены в Московскую духовную академию в качестве волонтера.² Эти экзамены не были для него вполне удачными: в общем списке 70 воспитанников, державших вступительные экзамены в академии, из которых поступили в неё 59, его фамилия значится лишь под 20-м номером. Но поступив в академию с таким относительно скромным успехом, С. И. уже при переходе с 1-го курса на 2-й занял третье место в разрядном списке, а при переходе со 2-го на 3-й — второе, и окончил академию в 1895 году вторым студентом.³

с. 5 Будучи студентом, С. И., по воспоминаниям его однокурсника, ныне профессора богословия в Московском Сельско-Хозяйственном Институте о. И. А. Артоболевского, отличался удивительным научным трудолюбием. «Он буквально весь уходил в занятия. И это с первых шагов академической жизни, с первого семестряка». Внешняя обстановка студенческой жизни С. И. далеко не всегда была благоприятной для научных занятий. На первом курсе номер, «в котором пришлось обитать С. И., — вспоминает И. А. Артоболевский, — был проходным; здесь была „большая дорога“ в чайную из других номеров. И вот мне врезалась в память совершенно ясно такая картина, которую я наблюдал два раза в день, С. И. занимал за столом крайнее к „большой дороге“ место. Несмотря на постоянную ходьбу мимо него и шмыганье, он совершенно прямо сидит на стуле часами и, не отвлекаясь, делает своё дело, читает, выписывает, переписывает и прочее». «Он был удивительно методичен, трудолюбив и усидчив в занятиях. Едва ли он не был самым трудолюбивым и усидчивым из всех наших товарищей». Меткие слова С. И., сказанные им несколько позднее, в его блестящей речи — «биографическом очерке» А. В. Горского: «Ведь это — предрассудок, будто мож-

¹ Плодами этих научно-архивных занятий М. В. Загорского были его статьи: «Описание и разбор дел Переяславского Духовного Правления» (Труды Владимирской Архивной Учёной Комиссии. Книги 3 и 4) и «Закрытие Переяславской епархии в 1788 году» (Владимирские Епархиальные Ведомости, 1891, №№ 21 и 23).

² В тот год никто из окончивших Вифанскую семинарию воспитанников не был послан в академию на казённый счёт. Вероятная причина этого обстоятельства заключалась в том, что как курс С. И., так и ближайшие к нему до времени являлись опальными в глазах тогдашнего семинарского начальства. В 1888/9 учебном году, когда С. И. был в 4-м классе, в семинарии произошла демонстрация со стороны воспитанников по такому поводу: в течение нескольких дней в супе, который подавали семинаристам, оказывались черви. Ни эконом, ни инспекция, которым воспитанники заявляли об этом казусе, не могла установить его причины. (Впоследствии оказалось, что недоброкачественна была мука, которой заправлялось кушанье семинаристам.) В один прекрасный вечер семинаристы сговорились не идти в столовую. За такую демонстрацию последовали со стороны начальства массовые и суровые наказания (резкое понижение всем воспитанникам балла до поведению и прочее). С. И. нередко вспоминал об этом эпизоде из своей семинарской жизни, в котором вина была не на стороне воспитанников.

³ 1-м студентом на курсе С. И. всё время был Н. Г. Городенский, по окончании академии избранный ею на кафедру нравственного богословия.

но что-нибудь сделать в науке без большого труда, одними дарованиями» (Богословский Вестник, 1900, XI, 101), очевидно уже в ту пору его студенчества были его глубоким, жизненным убеждением. Это исключительно серьёзное отношение к научным занятиям, равно как «постоянная сосредоточенность (с примесью какой-то внутренней грусти)», являвшаяся «органической чертой в духовном складе» С. И.—ча, никогда не принимавшего участия в студенческих пирушках, «остававшегося в таких случаях больше молчаливым созерцателем происходящего», могла, по словам И. А. Артоболевского, производить на людей, мало знавших С. И., впечатление «какой-то намеренной отчуждённости» его от товарищей, но при ближайшем знакомстве с ним это впечатление совершенно исчезало, и было ясно, что «товарищество он любил, ценил и понимал во всей его наличной данности».

Из академических дисциплин С. И. с наибольшим интересом относился к историческим наукам, и в особенности к русской истории, представленной в то время в академии двумя крупнейшими её корифеями, Е. Е. Голубинским и В. О. Ключевским. Голубинский, — писал впоследствии в его некрологе сам С. И., — «никогда не был популярным профессором».

с. 6

Несмотря на то, что он был всегда оригинален и самобытен, что его лекции представляли новое слово,.. его аудитории не переполняли и даже не наполняли студенты. Голубинский не владел даром оратора, не говорил лекции, а читал по тетрадке, и читал не очень искусно. А сверх того, и это по-моему главное, он не отличал в своём лице учёного от профессора и аудитории от читающей его исследования публики. Он читал ей ту же критику материалов, перед её глазами производил те же разрушительные операции над свидетельствами нашей древности и над установившимися в науке взглядами. Он не давал в собственном смысле курса, не делал широких обобщений, которые увлекают молодые умы. Может быть, профессор переоценивал свою аудиторию, желая приобщить её к своей специальной научной работе, может быть, просто не хотел или не умел учитывать впечатления... Но аудитория, надо сознаться в этом, его не ценила: желающих его слушать было почти так же мало, как мало желающих серьёзно изучать его науку. (Ж. М. Н. Пр. 1912, май, 24 стр.)

К числу этих немногих студентов, серьёзно занимавшихся русской историей и умевших ценить научное достоинство лекций Голубинского, несмотря на их неприглядную внешность, принадлежал С. И., неопустительно посещавший его аудиторию. Завязавшаяся ещё на студенческой скамье духовная связь С. И. со знаменитым историком русской церкви вполне окрепла впоследствии, когда С. И. суждено было стать преемником кафедры Голубинского в академии и когда, с углублением в специальные занятия русской церковной историей, перед ним во весь рост обрисовалось гигантское значение работ Голубинского в этой области.¹ Какое впечатление производили на С. И. блестящие, художественные лекции другого ещё более знаменитого представителя русской исторической науки в академии Ключевского, — и какое научное и морально-воспитательное значение они имели для него в ту пору его жизни, об этом свидетельствует он сам: «перед нашими глазами стройно двигалась русская историческая жизнь, закованная в стройную систему, одетая в точную, сжатую фразу, — и так от начала истории до конца, от жизни Славян на Карпатах до преобразовательной эпохи в царствование Александра II включительно. Деятели нашего прошлого проходили пред нами в ряде мастерских характеристик. Как живые они вставали во всём величии своего исторического подвига, в драматизме или комизме своего положения». «Завидев Ключевского на кафедре, мы целиком отдавались в его власть». Он «являлся пред нами не только учёным и художником, но и артистом, талантливо передающим в чтении самые тонкие оттенки мысли, вливающим живое чувство в каждый образ». «Перед нами стоял великий историк земли русской, — нашего многострадального народа, умилял нас чарующей силой слова, заставлял учиться и думать, помогал разобраться в прошлом, чтобы оценить по достоинству настоящее, и стать к нему в надлежащее отношение. Уча нас, как студентов, истории России, В. О. воспитывал в нас общественную совесть, чувство долга,

с. 7

¹ Личные отношения С. И. к Е. Е. Голубинскому, который приходился ему и дальним родственником, всегда отличались сердечностью. Особенно часто С. И. посещал Е. Е. в последние годы его жизни, когда тот, больной и слепой, безвыездно и безвыходно доживал свои дни в своём доме на Переяславской улице Сергиевского посада. С. И. делился с ним новостями научной и академической жизни, и записывал со слов Е. Е. его автобиографические воспоминания. (Сравни «У Троицы в Академии». М. 1914. Стр. 708—720.) Последнее, трогательно описанное С. И.—м, свидание его со своим учителем и предшественником по академической кафедре произошло 7 января 1912 года, за несколько часов до кончины последнего. (Сравни там же, 720—721 стр.)

воспитывал в нас граждан».¹ Восторженный поклонник Ключевского ещё на студенческой скамье, С. И. под его руководством и на предложенную им тему: «Рабство в древней Руси и отношение к нему Церкви» написал и своё кандидатское сочинение, удостоившееся очень лестного отзыва со стороны своего, вообще крайне сдержанного в оценке студенческих работ рецензента.² Влияние Ключевского, «учеником» которого по преимуществу С. И. начал свою научно-академическую деятельность, в очень близких отношениях к которому он затем всегда стоял до самой смерти своего знаменитого учителя, и к которому всегда питал исключительное, почти благоговейное почтение, глубоко отразилось на характере всей научно-литературной деятельности С. И., и оно именно, по компетентному наблюдению М. М. Богословского, представляется наиболее определяющим его облик как учёного историка.³

Год окончания С. И.—м академического курса совпал с выходом в отставку из академии Е. Е. Голубинского.⁴ Академия не задумалась в выборе заместителя освобождающейся кафедры истории русской церкви: в заседании Совета 12—13 июня 1895 года в качестве преемника маститому историку был намечен только что окончивший курс академии и оставленный при ней профессорским стипендиатом С. И. Смирнов, которому Совет академии и поставил в обязанность использовать свой стипендиатский год для подготовки к чтению лекций по указанной кафедре. Представленный С. И.—м осенью 1896 года в Совет академии отчёт о своих занятиях в течение стипендиатского года, излагавший общие положения отчасти вполне обработанных им, отчасти лишь конспективно намеченных лекций по истории так называемого Киевского или домонгольского периода русской церкви, обнаруживал, по авторитетному свидетельству рассматривавшего этот отчёт В. О. Ключевского, «весьма основательную» подготовку начинающего профессора «к чтению своего первого академического курса».⁵ По прочтении двух пробных лекций в собрании Совета 12 сентября 1896 года, — одной на тему (по назначению Совета): «О посланиях Артемия, игумена Троицкого», и другой на тему (по собственному избранию): «Значение Печерского монастыря в начальной истории русской церкви и общества», С. И. был избран на кафедру русской церковной истории в звании исправляющего должность доцента.

В 1906 году он становится экстраординарным профессором, а в 1914 году получает звание ординарного профессора. С 1907 года преподавательская деятельность С. И. выходит из-за стен академии: по рекомендации В. О. Ключевского он вступает в число приват-доцентов Московского университета, по русской церковной истории, и, таким образом, становится, по его выражению, уже не только «учеником», но и «ставленником» Ключевского.⁶ Наконец, с 1912 года С. И. читает курс по своей науке на Московских Высших Женских курсах, учреждённых Полторацкой. Лекции С. И. всегда отличались теми же научными достоинствами, какие отмечались всеми рецензентами и в печатных трудах его: обилием оригинального документально-исторического материала, тонкостью анализа исторических явлений и памятников, художественной простотой и изяществом изложения. Глубокая эрудиция С. И., в особенности в области древнерусской письменности, давала ему возможность быть и превосходным руководителем студентов в их практических занятиях по предмету его кафедры.

«В жизни учёного и писателя, — по выражению В. О. Ключевского, — главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли». И в жизни С. И. научно-литера-

¹ Из речей С. И. на академическом праздновании 25-летнего юбилея службы В. О. в Академии (27 октября 1896 года) и на его погребении (15 мая 1911 года). Сравни некролог В. О. Ключевского в Богословском Вестнике, 1911, май, 11 и 13 стр.).

²Содержание этого отзыва смотри в ниже печатаемой статье М. М. Богословского. Кандидатское сочинение С. И., представляющее собою первую строго научную работу его, остаётся до сих пор ненапечатанным. Отойдя в течение своей дальнейшей научно-академической деятельности в сторону иных тем и интересов, С. И., однако, никогда не оставлял мысли об его обработке для печати. Нам лично известно из разговоров с С. И. за несколько месяцев до его смерти, что эта работа его, несмотря на свою двадцатилетнюю давность, не представлялась в его глазах утратившею свою научную ценность. Думается, что напечатанная и в настоящем, переработанном виде, она окажется полезным вкладом в нашу историческую науку.

³Смотри цитованную статью М. М. Богословского.

⁴Е. Е. Голубинский был уволен в отставку из академии 26 июля 1895 года, согласно своему прошению, заслужанному в Совете академии 29 мая того же года.

⁵Журналы Совета М. Д. А. 1896 г. 380 стр. Там же, на стр. 367—380, напечатан и самый отчёт С. И.

⁶Смирнов, С. И. Исследование В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» / С. И. Смирнов. — М., 1913. — С. 3.

турная деятельность его представляет собою в высшей степени значительные её страницы, ярко отображающие на себе существенные черты её духовных интересов и содержания. Рамки нашего очерка не позволяют сделать хотя сколько-нибудь полную характеристику этой деятельности С. И., оставившего после себя, несмотря на сравнительную кратковременность своей жизни, немалое и весьма ценное научно-литературное наследство. Отметим лишь наиболее крупные её моменты.

Научно-исторические труды С. И. по своему содержанию и направлению отличаются в общем замечательно органическим характером. Центральное место в ряду их занимают его работы, посвящённые истории и бытовой характеристике института духовничества вообще, и древнерусского в особенности, — работы, которые по преимуществу создали С. И.—чу почётную известность в учёном мире. Вопрос о древнерусском духовничестве, как своеобразном явлении тогдашнего церковно-культурного быта, «не существующем в нашей современной церковной жизни и почти забытом наукою» (Богословский Вестник, 1898, октябрь, 147 стр.), привлёк к себе внимание С. И. ещё на первых порах его профессорской деятельности. Первым литературным произведением его в этой области была его статья в «Богословском Вестнике» за 1898 год, вышедшая затем и отдельным изданием: «Древнерусский духовник» (очерк). Не задаваясь в этом очерке сложным вопросом, «из каких сторонних влияний и элементов институт этот образовался в древней Руси», С. И. ставил своей ближайшей задачей «только описать его в том виде, в каком он у нас существовал» (там же, XI, 148). В рамках этой задачи работа была выполнена С. И.—м с замечательной обстоятельностью. Умело комбинируя извлечённые по крупицам из разнообразных по характеру памятников древне-русской жизни и письменности сведения о тогдашних духовных отцах, С. И. на страницах своего очерка нарисовал красочную и целостную историческую картину быта и деятельности древнерусских духовников, их отношения к своей «покаяльной семье», нравственного влияния на неё, их учительной деятельности, — посвятив заключительную главу своей статьи специальной характеристике «Вопрошания Кирика», поскольку этот любопытнейший памятник древнерусской письменности с наибольшей полнотой «изображает русского духовника глубокой древности в его отношениях к епархиальному епископу, в его нравственно-практическом мирозерцании, и, наконец, в историческом значении этого мирозерцания» (там же, 118 стр.). Выполненный С. И.—м в значительной части на основе изучения рукописного материала, снабжённый и несколькими приложениями, содержащими в себе текст некоторых рукописных материалов, его очерк не остался незамеченным в исторической науке, как труд, по полноте собранных автором данных по вопросу о духовниках могущий «служить надёжным пособием при специальных изысканиях» (Исторический Вестник, 1899, 9, 1008). Нам лично известно со слов самого С. И., что очень лестный отзыв об его статье сделал и В. О. Ключевский, давший при этом и практический совет автору: после некоторой обработки представить свою работу в качестве магистерской диссертации. С. И. близко принял к сердцу этот совет своего учителя, но выполнил его не совсем точно: обработка обследованной им в своём «очерке» темы приковала к себе его внимание более чем на 15 лет и в результате дала не только магистерскую, но и докторскую диссертацию.

Существенным пробелом в характеризованном «очерке» С. И., отмеченным самим автором, как мы видели, являлось опущение им вопроса об историческом происхождении древнерусского института духовничества, о взаимоотношении в нём между самобытно-русскими и сторонними, преимущественно византийскими, элементами и влияниями. Изучение древнерусского духовенства с этой стороны и составило предмет ближайших научных интересов С. И.—ча в начале 900 годов. Уже тот несомненный факт, что «древнерусская покаянная письменность находилась под сильным влиянием греческой, а может быть, отчасти и латинской», — что древнерусские духовники в своей дисциплинарно-покаянной практике в огромной степени руководились правилами и статьями византийского происхождения, приводил С. И. к сознанию, «что научно разобраться в древнерусской покаянной письменности возможно только после тщательного изучения покаянной письменности греческого Востока, а может быть даже и латинского Запада».¹ Но влияние Византии на древнерусское духовничество сказалось и на бытовой его стороне, и притом на очень существенных чертах её, в особенности на явно монашеском характере духовнического института.

¹Смирнов, С. И. Духовный отец в древней восточной церкви (История духовничества на востоке) / С. И. Смирнов. — Сергиев посад, 1906. — Часть I. — С. XIV—XV.

с. 10

с. 11

с. 12

В древней Руси, — пишет С. И., — были духовниками как белые священники, так и иеромонахи. Но характер духовнического института — явно монашеский, чертами монастырского пастырства отличаются взаимные отношения духовного отца и детей. Почему же это так? Откуда такое сильное влияние монастыря на институт общецерковный? Даже из древнерусских памятников я узнаю, что на Востоке в XII веке и позднее духовничеством занимались исключительно монахи, которые, очевидно, и сообщили монастырские черты духовничеству. А при самом первоначальном ознакомлении с духовничеством восточным мне встречается удивительный факт, что там несколько ранее XII века нередко бывали духовниками простые, не священного сана монахи. Объясняют это монашеским злоупотреблением, но странно то, что в нём виноваты не одни заинтересованные монахи, но и епископы, которые, случалось, давали право на духовничество простым монахам, даже, по-видимому, монахиням-игуменьям. Значит, здесь дело не в обыкновенном нарушении церковной дисциплины, а в чём-то более сложном. Указанные соображения и недоумения заставили меня заняться исторической судьбой духовничества на Востоке с самого начала его возникновения, потому что только таким путём я считал возможным дать надлежащее объяснение странным явлениям в истории интересующего меня института (там же, XV).

с. 13 Ученик и преемник Голубинского, давшего блестящие образцы «сравнительного изучения» однородных явлений древнерусской и византийской церковной жизни, в частности «таким методом восстановившего историю церковного управления в киевский период, — одну из лучших глав своей превосходной Истории» (там же, IX стр.), С. И. для выяснения отмеченного вопроса на время превратился из историка русской церкви в византолога, «погрузился в историю древней восточной церкви и погрузился глубоко» (там же). Результатом этого углубления С. И. в изучение византийских корней древнерусского духовничества и явилась в 1906 году его магистерская диссертация, под цитованным выше заглавием, печатавшаяся в форме отдельных статей на страницах Богословского Вестника в 1904—6 году.

Основной тезис, какой С. И. раскрывает и обосновывает в своей книге — таков: тот институт духовничества, который является типическим в древнерусской жизни, и в котором нравственно-бытовые отношения между духовником и исповедниками обрисовываются как отношения именно «духовного отца» к своей «покаяльной семье», стоит в ближайшей генетической связи не с древнейшей сакраментально-канонической формой покаяния пред епископами и пресвитерами, как носителями власти ключей, а с так называемой старческой исповедью, которая зародилась и сложилась в восточных монастырях, независимо от сакраментально-канонической организации покаяния, развивалась параллельно с нею, выступила, так сказать, конкуренткой её, и в конце концов, в иконоборческую эпоху и позднее, на долгое время фактически вытеснила «исповедь белых пресвитеров и епископов, совершавшуюся ими в духе канонов» (там же, 328 стр.). Это торжество монашеской исповеди над епископско-канонической, — поясняет С. И., — не следует, конечно, понимать в том смысле, «что в восточной церкви того времени совершителями покаяния были одни непосвящённые монахи, которые вместо церковного покаяния практиковали только старческое, что в церкви на время фактически прекратилось совершение таинства покаяния», но лишь в том смысле, «что настало такое время, когда совершителями покаяния в церкви стали монахи, *духовные отцы в общем смысле слова*, то есть епископы из монахов, иеромонахи и монахи, не имеющие священного сана. И те, и другие, и третьи создали новую покаянную дисциплину, более близкую к древней монастырской, чем к дисциплине церковных канонов» (там же).

с. 14 Характеризованная книга С. И. нашла вполне одобрительную оценку в отзывах её обоих официальных рецензентов, профессора Н. А. Заозерского и И. Д. Андреева.¹ После защиты её в собрании Совета 8 июня 1906 года, на котором вместо Н. А. Заозерского (отсутствовавшего по болезни) официальным оппонентом выступал ректор академии епископ Евдоким, С. И. был единогласно удостоен Советом искомой степени.

Магистерская диссертация С. И. составляла лишь 1-ю часть задуманного им исследования о «Духовном отце в древней восточной церкви» и обнимала лишь эпоху вселенских соборов. Во 2-й части его автор имел в виду раскрыть историю окончательного торжества монашества «над белой иерархией и клиром в деле исповеди», — историю постепенного распространения новой монашеской организации покаяния из Константинопольского патриархата, где она, преимущественно в среде студийского монашества, впервые вполне сложилась

¹Содержание этих отзывов смотри в цитованной статье М. М. Богословского.

«по всему православному востоку», что «произошло уже после торжества православия — после периода вселенских соборов» (там же). Хотя уже в магистерской работе С. И. есть ссылки на некоторые тезисы и исторические данные, которые должны были найти себе подробное раскрытие во 2-й части «Духовного отца» (стр. 98, 161, 201), но автору не суждено было довести свой труд до конца. После издания 1-го выпуска его, С. И. вернулся к разработке основной части своей сложной темы — к вопросу о древнерусском духовничестве, для каковой части обследование исторических судеб византийского духовничества являлось лишь обширным введением. Плодом вторичных занятий С. И. над вопросом о древнерусском духовничестве была его докторская диссертация под заглавием: «Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. Москва, 1913», — с приложением особого тома: «Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины». Насколько новая обработка С. И.—м этой темы существенно отличалась от его раннейшего журнального очерка под тем же заглавием, видно уже из формального их сопоставления: новая работа С. И. как по объёму превосходила первую по крайней мере в 3½ раза, так отличалась от неё и значительными особенностями плана, равно как заключала в себе целые отделы, заполненные совершенно новым материалом. Если уже прежний «очерк» С. И. давал достаточно целостную картину древнерусского духовничества с историко-бытовой его стороны, то в докторской диссертации С. И. эта характеристика его выполнена с исчерпывающей полнотой. Автор не оставил без внимания, кажется, ни одного памятника, ни одного исторического свидетельства, сколько-нибудь характерного и ценного для избранной им темы, и на основе этого кропотливым трудом собранного из разнообразных памятников древне-русской письменности громадного материала дал почти незатронутому до сих пор в науке вопросу о древнерусском духовничестве в высшей степени яркое историко-критическое освещение. Громадную научность исследованию С. И. придавали и приложенные к нему отдельной книгой (в 566 стр.) «Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины», заключающие в себе 48 памятников этого рода (в 76 текстах), образцово изданных автором на основании самого тщательного изучения их различных редакций, с установкой имеющихся в этих изводах разночтений, и, наконец, снабжённых историко-критическими замечками автора, из которых многие имеют характер обширных и целостных научных экскурсов.

с. 15

Учёный труд С. И., доставивший автору степень доктора церковной истории,¹ был по достоинству оценён и вне академии: Учебным Комитетом при Святейшем Синоде он был удостоен премии митрополита Макария в 500 р., а Академией Наук — Уваровской премии в 1500 р.

«Больше всего интересуюсь древнерусским религиозным и церковным бытом» (Духовный отец... X стр.), С. И., кроме сейчас отмеченной наиболее крупной работы в этой области, в различное время своей научно-литературной деятельности дал целый ряд и более мелких этюдов, посвящённых характеристике тех или других явлений древнерусской религиозно-церковной жизни: «Водокрещи. Материалы для истории крещенских обрядов в древней Руси» (1900 год), «Праздник Пасхи в древней Руси» (1900), «Праздник Крещения Господня в древней Руси» (1901), «Как говели в древней Руси?» (1901), «Бабы богомерзкие» (1909) — древнерусские чародейки и волхвовательницы, и, наконец, «Исповедь земле» — речь С. И. на акте Московской Духовной Академии 1 октября 1913 года, посвящённая разъяснению «одного странного обряда русской древности, существующего по местам и теперь», в котором тесно переплелись два разнородных элемента: «христианский — церковный институт тайной исповеди и языческий — олицетворение земли, представление её живым существом, способным внимать покаянным словам человека и примирить его грешную совесть» (Древнерусский духовник, 257). Довольно незначительные по объёму, эти историко-бытовые этюды С. И. являются своего рода миниатюрами, выполненными рукою опытного мастера, глубокого знатока древнерусской жизни и литературы, умеющего извлекать из её сокровищ любопытные данные и оживлять пред читателем черты давно умершей родной старины. Из журнальных статей С. И. такого типа выделяется отчасти и по объёму, а отчасти и по особенностям её задачи — одна его работа, в которой объективно-научный интерес историка органически связан и с злободневно-публицистическим его интересом: это — статья С. И.: «Как служили миру подвижники древней Руси» (Богословский Вест-

с. 16

¹Официальными рецензентами его в академии были профессор М. М. Богословский и А. И. Алмазов. Содержание их отзывов отмечено в цитованной статье М. М. Богословского.

ник, 1902 год), написанная им по поводу разгоревшейся в то время на страницах наших духовных журналов полемики по вопросу об идеале и жизненных задачах православного монашества.¹

с. 17 В цитованной статье С. И. ставит своей «главной задачей» «навести точную справку по спорным вопросам в истории древнерусского монашества», признавая такую постановку дела «единственно плодотворной». Анализ летописных сказаний и «житий» знаменитейших русских святых иноков, подвизавшихся «на пространстве от XI до половины XVI века», приводит автора к тому выводу, что

древнерусский мир видел помощь из святых обителей, от преподобных, просиявших в Русской земле, на всех решительно сторонах своей жизни. На религиозно-нравственной — в молитве, учительстве, духовничестве и миссионерстве подвижников, на социальной и политической — в печаловании за осуждённых, в обличении насильников и миротворчестве враждующих князей; на экономической — в монастырской благотворительности разных видов. Общежители или пустынножители — русские подвижники все несли службу миру, кто какую мог, то учительным словом к тёмному народу, то всенародным обличением московского самодержца, то куском хлеба умирающему ребёнку, оставленному под монастырской стеной своими голодными родителями, то прокормлением целых тысяч голодающего народа, то уходом за больными и увечными бедняками и устройством для них богаделен при монастырях (отдельный оттиск, 67 стр.).

с. 18

Архимандрит Никон, — так формулировал С. И. своё основное заключение по спорному вопросу, — изображает нам идеального православного инока *святым эгоистом*. Западный монах, по его представлению, и в своих идеалах и в гуманитарной деятельности — *грешный альтруист*. А наше суждение такое. Истинный *христианский подвижник*, будь он православный или католик (в данном случае это безразлично), должен быть *святым альтруистом*. «Рачитель милостыни, кормитель нищих, нагим одежда, странным и безкровным тихое пристанище, сиротам и вдовицам тёплый заступник, болящим в мнозех недугех врач и скорый посетитель, печальным утешение, плачущим радость, обидимым пособник, беспомощным помощник, должным испкупитель и рабом свободитель» — вот тот *истинный идеал инока*, какой нам завещала благочестивая русская древность (там же, 92).

Оставляя в стороне обзор работ С. И. научно-биографического содержания (каковы — уже цитованные нами блестящие очерки-характеристики А. В. Горского и Е. Е. Голубинского) и критико-библиографического характера, отметим, в заключение, труды С. И. в области агиологии, выразившиеся в издании им в 1908 году жития преподобного Даниила, Переяславского чудотворца, с обстоятельным историко-критическим введением к нему, и в редактировании С. И.—м так называемых «дополнительных книг» к предпринятому Московской Синодальной Типографией изданию «Житий Святых на русском языке, изложенных по руководству Четых-Миней святого Димитрия Ростовского», в каковые книги, по плану издателей, должны войти «те жития, которые не поместил Ростовский святитель в свои Четьи-Миней, или которые поместил в кратких, проложных сказаниях, наконец, жития тех святых, которые подвизались или прославлены Господом Богом и Церковию уже после кончины святителя Димитрия» (Книга 1, предисловие). С. И.—м проредактирована 1-я книга этого издания (сентябрь—декабрь), вышедшая в 1908 году, и 2-я (январь—апрель) выходящая в свет в ближайшем времени, причём некоторые жития в них были и составлены им самим. Задачею этого издания, руководство которым С. И.—чу передал В. О. Ключевский,

с. 19

¹Начало полемики было положено статьёй А. В. Круглова в «Душеполезном Чтении» (октябрь 1902 года): «На службе миру — на службе Богу», в которой автор проводил мысль, что монастыри должны принимать невозможное деятельное участие в «службе миру», каковая служба отнюдь «не противоречит прямой задаче их, не исключает её, ибо служба миру покоится на любви к ближнему, а любовь — фундамент христианского учения, и, если она обязательна для каждого христианина, то тем более для инока — совершеннейшего христианина». В частности, как на формы служения монашества миру, автор указывал на устройство больниц и богаделен, на уход за больными и увечными, на содействие «настоящему христианскому просвещению» народа и тому подобное. Эта мысль А. В. Круглова встретила живой отклик в статье архимандрита Евдокима: «Иноки на службе ближним» (Богословский Вестник, 1902, ноябрь). С резкой отповедью против взглядов Круглова выступил архимандрит Никон в своей статье: «Православный идеал монашества» (Душеполезное Чтение, 1902, октябрь). Тот идеал деятельного служения монашества миру, какой раскрывает Круглов, по взгляду архимандрита Никона есть искажение православного идеала монашества, сущность которого составляет «исключительно личное спасение», «святой эгоизм», «суть монашеского делания в отличие от простой мирской добродетели» заключается в молитве, а «всякое внешнее дело для монаха есть только поделние» (там же, 209 стр.). Взгляд архимандрита Никона нашёл полную поддержку у редактора «Душеполезного Чтения» профессора А. И. Введенского, который также усмотрел в статье Круглова «тонкую подмену православно-русского идеала монашества западным».

являлось — дать такого рода жизнеописания русских святых, которые, при наивозможной общедоступности изложения, удовлетворяли бы и требованиям историко-критической науки, — были составлены на основании первоисточного материала, преимущественно «по рукописям, находящимся в разных библиотеках и монастырях нашего отечества» (там же). Таким именно это издание и оказалось под умелым редакторством С. И.

Добросовестность (— любимое слово покойного в оценке труда) С. И. в отношении к взятому им на себя делу, — пишет один из ближайших сотрудников С. И. по упомянутому изданию, справщик Синодальной типографии Б. Г. Гречев, — была изумительна. При редактировании житий он сам проделывал весь труд их составителей, тщательно знакомился с указываемыми последними источниками и пособиями, и когда нужно, делал добавления по целым страницам. Некоторые жития им были буквально переработаны вновь. Жития снабжены множеством пояснительных примечаний; эти коротенькие заметочки брали много труда и могли быть выполнены только человеком широкой эрудиции. В отношении к сотрудникам С. И. был весь предупредительность: отыскивал нужную редакцию рукописи, указывал пособия, — мало того, — сам возил книги из академической библиотеки, чтобы дать возможность работать сотруднику дома.

Собственно научный анализ литературных трудов С. И. не входит в нашу задачу: компетентная оценка их уже и сделана была в своё время официальными и неофициальными рецензентами его работ и будет ещё дана теми специалистами в области русской и византийской истории, которым приходилось и придётся работать по вопросам, соприкасающимся с темами научного творчества С. И. Но нельзя на этих страницах, посвящённых памяти почившего профессора нашей академии, не отметить его общего жизненно-морального отношения к «научным заветам» нашей школы, как он сам их понимал и исповедовал. «Заветы старой академии, которые и сделали её славной, — говорил С. И., — заветы эти можно выразить так: науке должно служить самоотверженно и бескорыстно; наука не должна служить для посторонних ей целей».¹ С. И. исповедал эти заветы не только устами, но и делом. Его отношение к науке было глубоко проникнуто идеалистическим характером. На его работах лежит печать той «добросовестности», сказывающейся и в полноте обследованных материалов трактуемых тем, и во вдумчивости их анализа, и в тщательной отделке изложения, — которая имеет своим источником искреннюю любовь историка к своей науке и к объективно-научной истине. Если в его трудах и найдутся положения спорные, которые, может быть, не устоят перед строго научной критикой, то едва ли и самый придирчивый рецензент может предъявить к нему хотя малейший упрек в какой-либо научной неряшливости или в небескорыстной поспешности опубликования своих трудов. Так же не обвиняясь должно сказать о верности покойного профессора и другому из отмеченных им академических заветов. Будучи по преимуществу историком церковного быта, С. И., однако, немало оперировал и над вопросами, имеющими известное принципиально-богословское значение. Таков, например, затронутый им в своей магистерской диссертации вопрос о сакраментальном значении старческой исповеди в древне-восточных монастырях. Не входя в оценку сделанных автором историко-богословских наблюдений и выводов, должно сказать, что страницы в книге С. И., посвящённые этому вопросу, производят подкупающее впечатление полной откровенностью и ясностью его тезисов. С автором можно соглашаться или не соглашаться, но нельзя упрекнуть его в каком-либо замалчивании выводов, к каким привело его изучение соответствующих источников, в какой-либо приспособляемости его историко-богословской мысли. В этом отношении С. И. был прямым учеником своего славного предшественника по академической кафедре, «представлявшего только одну форму отношения к науке, форму безусловной правдивости и полной откровенности» (Ж. М. Н. П. 1912, май, 41).

Добросовестный и правдолюбивый историк, С. И., и как человек, отличался удивительной прямоотой, составлявшей наиболее характерную черту его личности. Эта черта ярко сказывалась и в отношениях его к тем или другим явлениям общественной и академической жизни, и в обыденных отношениях к окружающим людям. Он принадлежал к числу людей, которые, выработав себе определённые принципы и убеждения, остаются верными им навсегда. Лица, хотя сколько-нибудь близко знавшие С. И., могли, не рискуя ошибиться, заранее предугадывать его мнение по тем или другим злободневным вопросам, каковые мнения он всегда и высказывал с полной прямолинейностью. По внешности обыкновенно

¹Из речи С. И. при погребении профессора А. П. Голубцова (Богословский Вестник, 1911, июль—август, 37 стр.).

с. 20

с. 21

очень серьёзный, даже несколько замкнутый, С. И. на самом деле был замечательно сердечной натурой, с оттенком какой-то даже женственной мягкости, образцовым семьянином,¹ прекрасным сослуживцем, искренно добрым и отзывчивым на всякое горе ближнего человеком. В его лице академическая корпорация лишилась не только крупной научной силы, но и в высшей степени симпатичного по своим моральным качествам сочлена, утрата которого, несомненно, искренней скорбью отозвалась среди бывших его сослуживцев и многочисленных учеников.

с. 22 Смерть С. И. была в огромной степени неожиданностью даже для лиц, близко стоявших к покойному. Не отличаясь очень крепким здоровьем, особенно с 1903 года, когда он перенёс очень тяжёлую форму желудочной болезни, едва не сведшей его в могилу, вынудившей его даже на целый год прекратить всякую научно-преподавательскую деятельность и оставившей навсегда следы в его организме, С. И. если за последние годы и казался видимо переутомившимся, то во всяком случае не производил впечатления безнадежно больного человека, отличаясь до последних месяцев своей жизни незаурядной трудоспособностью. В течение всего 1915/16 учебного года С. И. исполнял свои профессорские обязанности, как в академии, так и в университете и на курсах, с полной исправностью, равно как участвовал и на переводных экзаменах, и даже на последнем в истекшем учебном году Собрании Совета (12 мая) читал свой обстоятельный отзыв о докторской диссертации Н. И. Серебрянского. Первые зловещие симптомы роковой болезни С. И. стали проявляться ранней весной текущего года — в резком упадке его сил и иногда даже в обморочных состояниях. Знаменитый московский диагност, профессор Шервинский, к которому С. И. в марте обратился за врачебным советом, порекомендовал больному лишь возможно полный отдых от всяких научных занятий, не назначив сложного лечения, но родственникам С. И.—ча высказал, что анализ его крови и желудочного сока заставляет его предполагать у С. И. или рак желудка или злокачественное малокровие (*anaemia pernitiosa*), причём как та, так и другая форма болезни должна быстро повести к роковой развязке. Произведённое несколько позднее исследование больного рентгеновскими лучами также не привело к полному уяснению его болезни.

с. 23 По окончании учебного года С. И. переехал на дачу недалеко от Посада. Здесь упадок его сил, не сопровождаемый никакими болями, прогрессировал почти с каждым днём. Решено было поместить его в университетскую клинику. При этом переезде в Москву (16 июня) он был уже настолько слаб, что из вагона до экипажа его пришлось нести на носилках. Несмотря на в высшей степени внимательный уход, каким С. И. был окружён в клинике, болезнь не поддавалась никакому лечению, и лишь одно время у некоторых врачей, лечивших его, мелькнула надежда на возможность улучшения в состоянии больного. Однако эта надежда скоро оказалась обманчивой: 4-го июля, в 1 час дня С. И., в течение своей предсмертной болезни дважды с глубоким благоговением исповедовавшийся и приобщившийся Святых Таин, тихо и безболезненно скончался.

По кончине С. И.—ча, в клинической часовне, куда было перенесено его тело, служились панихиды, на которых присутствовали знакомые и сослуживцы покойного по академии, университету и женским курсам. 6-го июля тело С. И. было перевезено в Сергиевский посад и перенесено в академическую церковь. Заупокойная литургия и отпевание тела покойного 7 июля были совершены временно исправлявшим в течение каникул обязанности ректора академии инспектором её архимандритом Иларионом, в сослужении академического духовенства, в присутствии всех тех членов академической корпорации и студентов, которые проводили летние каникулы в Посаде и ближайших к нему местностях. На его гроб были возложены венки от Академии, Московской Синодальной типографии и Высших Женских курсов Полторацкой. Тело С. И. погребено на академическом кладбище, недалеко от могил знаменитейших представителей русской церковно-исторической науки в нашей академии — А. В. Горского, С. К. Смирнова и Е. Е. Голубинского, чьим научным заветам он оставался верен в течение всей своей так преждевременно и так неожиданно оборвавшейся плодотворной научно-академической деятельности.

А. О.

¹В семействе С. И., кроме его супруги Веры Михайловны, остались четыре сына и одна дочь, в возрасте от 14 до 6 лет.

Памяти профессора С. И. Смирнова

С С. И. Смирновым я виделся в последний раз 18 мая текущего года. Он, правда, жаловался на нездоровье; но ничто не внушало мысли, что это наше свидание окажется последним. Мы говорили о текущих событиях и строили планы на будущее. Совсем нельзя было предвидеть, что его недуг получит такое опасное развитие, что роковая развязка наступит столь быстро и что смерть так внезапно разорвёт узы, связывавшие Сергея Ивановича с людьми, которые его ценили и для которых он был дорог. Мы твёрдо знаем, что все мы подлежим смерти, что дням нашим положен предел, что часы наши сочтены и что каждая наша встреча может стать последней; но зная это, мы редко о таком значении наших встреч думаем. Как бережно мы бы относились друг к другу, если бы помнили об этом яснее!

с. 24

Мне хотелось бы сказать несколько слов о покойном Сергее Ивановиче как об учёном; но я вовсе не думаю в очерке, составляемом для очередной книжки журнала, дать полную, исчерпывающую характеристику его учёной деятельности, его учёных трудов, подвести заключительный итог его работе. Пока не угасло чувство утраты, трудно оторваться от личности умершего и говорить только о его взглядах и о книгах, держась в рамках отвлечённой объективной оценки им сделанного. Притом Сергей Иванович умер в такую пору своей жизни, когда какое-либо подведение итогов его деятельности было ещё слишком преждевременным, и моя мысль застигнута врасплох и не подготовлена к такой работе. При мысли о нём живом думалось не о подведении каких-либо итогов, а о том, что он мог бы ещё сделать. Его жизнь оборвалась, как недописанная книга, остановившаяся на середине изложения, далеко не доведённая до заключительной главы. Его работа прекратилась на полном ходу. Для учёного, подготовка которого отнимает почти четверть века, умирать на 46 году от роду слишком рано. Не исчерпывающую оценку трудов Сергея Ивановича хотелось бы мне дать, а лишь под влиянием чувства утраты поделиться сложившимся у меня представлением о Сергее Ивановиче, как об учёном, и своими воспоминаниями о нём.

с. 25

Значение учёной деятельности С. И. Смирнова прежде всего, конечно, определялось его собственным, данным ему от Бога талантом, который не зарыт был им в землю, а пущен в плодоносный оборот. Это был умный, трудолюбивый и одушевлённый любовью к знанию человек. Но при всём его собственном даровании нельзя было не видеть на нём влияния его учителей; по крайней мере мне оно всегда представлялось заметным. Сергей Иванович прошёл завидную историческую школу; ему на долю выпало счастье быть учеником двух знаменитых русских историков: Е. Е. Голубинского и В. О. Ключевского. Прохождение такой школы не могло остаться бесследным.

Голубинский был для него живым примером высокого научного подвига. Суровый отшельник, отрешившийся от мира, затворник на долгую жизнь в четырёх стенах своего заваленного книгами кабинета, неутомимый и неустрашимый изыскатель, он пытливым, вооружённым острою критикою взором проникал в тёмную глубину исследуемого вопроса и старался проникнуть туда до возможных для человеческого знания пределов, не будучи в состоянии успокоиться, пока интересовавший его предмет не был исчерпан до конца. Только тогда он решался печатно высказываться, и понятно, каким авторитетом пользовалось его основанное на громадной эрудиции и добросовестное слово.

Ключевский, когда Сергей Иванович слушал его лекции, был на высоте своей всероссийской славы. Он очаровывал и увлекал своим знаменитым курсом, широкие и стройные схемы которого становились прочным и ценным достоянием аудитории, уносившей с его лекций цельный, продуманный взгляд на русское прошлое и художественное наслаждение, вызываемое несравненным талантом профессора. Но если большая аудитория увлекалась

с. 26

широкими и последовательными обобщениями Ключевского и восхищалась художественными образами его лекций, то для тех, кто имел случай подойти к нему ближе, открывалась в нём и другая сторона его дарования — дар исследователя, способного предпринимать и терпеливо доводить до конца утомительные, подчас микроскопические изыскания для решения того или иного поставленного им вопроса.

Сергей Иванович стал близок к обоим историкам ещё на студенческой скамье, и затем, взойдя с этой скамьи на академическую кафедру, он поддерживал тесные дружественные связи с обоими до конца их дней. Голубинский, в последние тяжёлые годы своей жизни, когда потеря зрения лишила его возможности работать, диктовал приходившему его навещать Сергею Ивановичу свои воспоминания. О Ключевском Сергей Иванович никогда не мог говорить спокойно, без чувства какого-то особого благоговения, и когда больной уже незадолго до смерти он узнал, что ректор Московского университета, говоря с профессором, положившим его в свою клинику, назвал его «любимцем Ключевского», он не смог удержаться от рыданий.

Из двух историков, в школе которых Сергей Иванович получил воспитание, чьё влияние надо признать сильнее и заметнее? Мне думается, что всё же первенство надо отдать Ключевскому. Историческое мировоззрение Сергея Ивановича сложилось под действием курса Ключевского, и его представления об общем ходе русского исторического процесса носили на себе печать этого курса. Влияние Ключевского сказалось и в руководстве первыми самостоятельными учёными шагами Сергея Ивановича; у него Сергей Иванович писал кандидатское сочинение, взяв темой вопрос из той области, которою так сильно интересовался и в которой так много поработал сам Ключевский. Известно, что Ключевского особенно занимали исторические судьбы русских несвободных состояний. Его «Происхождение крепостного права в России» — одно из самых ценных и обильных результатами исследований, вызвавшее целый переворот в изучении вопроса; не менее важны также и соприкасающиеся с этим исследованием его работы по истории холопства — «Подушная подать и отмена холопства в России». Из круга этих вопросов и вышла взятая Сергеем Ивановичем кандидатская тема: «Рабство в древней Руси и отношение к нему Церкви». К вопросу об отношении Церкви к рабовладению и о её смягчающем влиянии на холопство в России Ключевский и сам близко подходил в своих упомянутых статьях, а также в своей актовой речи в Академии, произнесённой в 1888 году: «Содействие церкви успехам русского гражданского права и порядка». Так, работая над кандидатским сочинением, талантливый ученик вступил в сферу научных интересов учителя. Кандидатское сочинение, первое учёное произведение Сергея Ивановича, стоившее ему немалого труда, окончено было с успехом и увенчано было высокою наградой — похвалой Ключевского, и нетрудно себе представить, как лестно было ему читать в отзыве учителя о его работе следующие строки:

Автор вставил свою задачу в очень широкие рамки, предприняв изложить историю древнерусского рабства в связи не только с движением русского права и юридического сознания, но и со всем складом быта древней Руси. Такая постановка задачи вынуждала автора, по его собственному признанию, попутно довольно подробно останавливаться на нелёгких вопросах нашей начальной истории. Так, излагая в первых четырёх главах своего значительного по объёму труда происхождение, первоначальную юридическую выработку и географическое распространение рабства в языческой Руси, автор старается обстоятельно изобразить юридический строй жизни русских славян, внимательно останавливается на вопросе об их родовом быте, разбирает известия об их экономическом положении и внешних международных отношениях. В четырёх остальных главах, переходя ко второй важнейшей части своей задачи, автор описывает влияние принесённых из Византии начал греко-римского права и христианского учения на русское рабство, как оно сложилось ко времени принятия христианства Русью. По связи с этими вопросами автор в V главе вслед за учением Евангелия о рабстве, в сжатых, но обстоятельных очерках излагает при пособии Валлона вытекающий из этого учения взгляд отцов Церкви на рабство, а потом при помощи непосредственного изучения памятников византийского права — законодательство византийских императоров о рабстве. Эти вводные очерки помогли автору шире и яснее взглянуть на главный предмет исследования.

Автор делит историю русского рабства на два неравные периода. Первый период продолжается у него до конца XV века: это — время полного рабства, «рабства в собственном смысле слова». Тогда Церковь только ещё подготавливала те смягчения, которые потом при её участии были внесены в этот институт. Второй период — два века с небольшим (конец XV — начало XVIII века), это — время смягчения рабства, «история холопства». Автор сосредоточил своё внимание на первом периоде; но изложенный им во введении общий взгляд на историю древ-

нерусского холопства показывает, что он обдумывал и дальнейшую судьбу этого учреждения, собирая материалы для изучения второго периода его истории. Влияние Церкви на переработку холопства в продолжение первого периода изображено автором очень подробно и большею частью основательно. Он метко различил влияние принесённого византийским духовенством на Русь греко-римского права и влияние нравственного учения Церкви на русское рабство: первое влияние усиливало юридическую суровость холопией неволи, второе смягчало её в жизни и в праве. Излагая ход этого дела, автор с усиленным вниманием следил за возвышающим действием Церкви на уровень общественного сознания и порядка и старался не проронить никакого исторического указания, отсутствие которого могло бы затемнить или умалить это действие. В объяснении сложных явлений, подлежащих исследованию, автор при выдающейся любознательности и напряжённости мысли обнаружил основательное знакомство с разнообразными источниками истории, преимущественно церковной, равно как и с научными пособиями даже по смежным с церковной историей отраслям знания.

Всегда полезно припоминать золотые слова Ключевского; но в настоящем случае особенно важно обратить внимание на заключительные строки отзыва: «Рассматриваемый труд», читаем мы в них, «не свободен от сделанных поспешно выводов и обобщений; но вообще в нём особенно явственно выступает способность автора вникать в сущность изучаемого предмета, разбирать происхождение, состав, условия развития и следствия изучаемого исторического явления. Ко всему этому надобно присоединить живое, ясное и большею частью точное изложение, нередко обнаруживающее признаки литературного таланта».¹

с. 29

Гениальный учитель ясно увидел и по своему обыкновению отчётливо выразил основные свойства дарований ученика: способность вникать в сущность изучаемого предмета, способность всесторонне исследовать историческое явление, разобрав его происхождение, состав, условия развития и следствия, живость изложения, ясность и точность в передаче мысли, свойства, которые дали повод Ключевскому говорить об обнаруженных в сочинении Сергея Ивановича признаках литературного таланта. Признаюсь, что я не без волнения прочёл теперь эти заключительные строки доселе бывшего для меня неизвестным отзыва Ключевского о первом научном труде Сергея Ивановича. Мне пришлось быть официальным рецензентом его последнего большого учёного труда, составлять отзыв о его докторской диссертации. В характеристике, которую я должен был дать этой диссертации, указываются, разумеется, далеко не в такой же изящной форме, но по сути дела именно те самые свойства дарования Сергея Ивановича, которые были уже указаны в приведённом отзыве о кандидатской работе. Это совпадение меня глубоко удовлетворило и ещё более утвердило теперь, по прочтении отзыва Ключевского, в мнении о книге Сергея Ивановича, высказанном мною в 1914 году. Талант Сергея Ивановича на протяжении времени от кандидатской диссертации до докторской расцвёл пышным цветом, но основные его свойства оставались те же, какие были указаны Ключевским.

Кандидатское сочинение Сергея Ивановича не было выпущено в свет, не было напечатано. Но мне пришлось познакомиться с его содержанием окольным, так сказать, путём. Мне случилось быть однажды ассистентом на экзамене у Сергея Ивановича по истории русской церкви. Среди выслушанных мною студенческих ответов меня особенно поразили ответы нескольких студентов, которым доставался вопрос о влиянии Церкви на рабство в древней Руси. Этот отдел или параграф курса излагался экзаменуемым с особенной полнотой и точностью. Я услышал при этом немало соображений, новых и оригинальных, и не мог припомнить, чтобы я где-либо их встречал в существующей литературе. После экзамена я сообщил своё впечатление Сергею Ивановичу, выражая удивление, почему ответы о холопстве так выдаются среди других. Сергей Иванович принуждён был объяснить мне причину. В изложении этого отдела вошли основные части его кандидатской работы, которые он и излагал слушателям на лекциях. Я тогда же получил высокое представление о достоинствах этой работы, которое и подтверждается теперь ознакомлением с отзывом Ключевского.

с. 30

В наших академиях всё более укореняется обычай — кандидатские сочинения — правда, в большинстве случаев основательные и добросовестные труды — обращать посредством исправлений и дополнений в магистерские диссертации, что позволяет шагать почти сразу на две ступени при восхождении по лестнице учёных степеней. Сергей Иванович

¹ Журналы Совета М. Д. А. 1895 г., 160.

с. 31

этому удобному приёму не последовал. Почему? Очевидно, по той скромности, которую он так отличался, потому, что сам он хорошо сознавал и, как это всегда свойственно талантливым и скромным людям, вероятно, даже и преувеличивал недостатки своей работы и не считал её пригодной для магистерской диссертации, предъявляя к последней более строгие требования. Поэтому его кандидатское сочинение осталось в рукописи, и он принялся за другую работу. Это замедлило его служебную карьеру и было невыгодно для него в материальном отношении; но для Сергея Ивановича научные интересы стояли неизмеримо выше карьеры и материальных благ; о них он совершенно не заботился; видимо, ценил своё движение только как учёное движение и хотел каждый шаг вперёд делать с новою полновесною книгою в руках. Его внешнее служебное движение протекало очень медленно и высшего, возможного для академического преподавателя положения, звания ординарного профессора, он достиг всего только за год до смерти. В течение 9 последних лет он состоял приват-доцентом Московского Университета, читая свой предмет довольно полной аудитории Историко-Филологического факультета, и это преподавание он вёл только из любви к преподаванию, так как при ничтожном вознаграждении, получаемом приват-доцентами университетов, оно не приносило ему решительно никаких материальных выгод. Сергей Иванович был бескорыстным работником науки.

По окончании курса в Академии Сергея Ивановича начал занимать вопрос, далёкий от его кандидатской темы — история русского духовничества, и в 1908 году в трёх книжках «Богословского Вестника» появилась его статья «Древнерусский духовник». Был, таким образом, избран новый предмет исследования, и, сделав этот выбор, Сергей Иванович оставался верен своему «Духовнику» до конца своих дней. Начав, однако, заниматься вопросом о древнерусском духовнике, он встретился с вопросом о духовничестве в Византии, с вопросом о влиянии в этом отношении византийской церкви на русскую и понял, что исследование о русском духовнике без предварительного изучения духовничества в Византии будет зданием без основания. Это соображение увлекло его на путь изысканий в области истории византийской церкви, плодом которых была книга «Духовный отец в древней восточной церкви. История духовничества на Востоке. Часть I. (Период вселенских соборов)». Итак, к древнерусскому духовнику Киевской и Московской Руси надо было подойти долгим и трудным путём через Византию. В мужестве и решимости, с которыми Сергей Иванович вступил на этот долгий путь, видна отличавшая его и, может быть, воспитанная в нём примером Голубинского черта — раз его захватил нерешённый вопрос, надо достигнуть его решения, исследовать его до конца, проникнуть в глубь его до основного материка, каких бы трудов это ни стоило, какого бы количества времени ни потребовало, с какими бы затруднениями в виде подготовительных изысканий ни было сопряжено. Сергей Иванович — учёный, идущий на самопожертвование, лишь бы добыть драгоценные крупницы знания, добывание которых составляет весь смысл его жизни!

с. 32

С византийскими юридическими памятниками Сергею Ивановичу уже приходилось соприкасаться в кандидатской работе, в которой, в меньшем масштабе конечно, он действовал тем же методом, ища связи в отношениях церкви византийской и церкви русской к рабству. Он был уже, таким образом, византийской истории не чужд, когда он теперь снова к ней обратился, снова предавшись изучению текстов памятников и огромной литературы предмета, приобретая солидную эрудицию по византологии. Он делается сведущим византинистом.

Плод этих изучений — магистерская диссертация Сергея Ивановича была сочувственно встречена критикой. «Всюду в своей книге, — писал о его труде профессор Н. А. Заозерский, — он выступает исследователем обстоятельным, строго критическим и чуждым увлечения и поспешности, и если книга его дарит читателя новым освещением избранного предмета исследования, то на автора положиться можно без всякого риска в легковерии». —

Высокий интерес книги С. И. Смирнова, — говорит другой официальный её рецензент профессор Андреев, — обуславливается значительностью взятой им темы. Но значительность темы требует широкого пользования источниками и пособиями. Добывать данные для его выводов Сергею Ивановичу приходилось с большим трудом, потому что они разбросаны в литературе всего периода вселенских соборов. Нередко случалось ради одной цитаты читать целый памятник. А сколько таких памятников, которые прочитаны и не процитованы за ненахождением в них искомого, это известно одному автору. Настойчивые поиски его в некоторых пунктах дали превосходные результаты. Затем автор должен был идти по пути, загромождённому спорами и непримиримыми разногласиями между исследователями. Его тему кругом облегают вопросы, на которые существуют только колеблющиеся ответы. Работа при таких условиях требовала

больших усилий, о которых не всякий читатель может догадываться, — и большого писательского такта. Солидное изучение источников позволяет автору чувствовать себя спокойным и не горячиться в ответственных пунктах работы, как это бывает при недостатке нужной опоры в цитатах. В его книге много широких выводов, и все они осторожно выжаты из потребного количества свидетельств. Его синтез даёт только то, на что уполномочивает его анализ. Автора, естественно, могло искушать желание, как оно искушало других на том же пути, прорваться к главной цели своей путём более лёгким, например, игнорированием свидетельств, которые тормозят и замедляют его заключение, но он не поддаётся этим искушениям и предпочитает путь медленный, но надёжный. Широкое знание источников делает аргументацию автора сильной и убедительной. Читатель остаётся во власти её на протяжении всей книги.

с. 33

И в отзыве профессора Андреева отмечены те же свойства исследователя, о которых говорил в отзыве о кандидатской работе В. О. Ключевский. Профессор Андреев отметил далее и те литературные качества магистерской диссертации Сергея Ивановича, которые обнаружились ещё в его кандидатском сочинении:

Обращаясь к внешней стороне, следует отметить прежде всего, что изложение и план сочинения отличаются чрезвычайною прозрачностью. Все главные результаты работы заключены в такие удобные и точные формулы, что содержание обширного исследования после одного прочтения удерживается в памяти с чрезвычайною лёгкостью и раздельностью — знак, что автор выносил и выстрадал все вопросы темы в полной мере.¹

В такой манере писать книгу сказывался ученик Ключевского!

В изысканиях по византийской церковной истории Сергей Иванович ни на минуту не терял из вида руководящего путеводного огня, не забывал о главной цели, к которой он шёл и для которой труд по византийской истории имел значение только подготовительного. Покончив с этим трудом, извлекая из византийского прошлого то, что ему было нужно для уяснения древнерусского духовничества, Сергей Иванович мог перейти к своей главной давно намеченной задаче и начал работать над докторской диссертацией, имевшей предметом изображение древнерусского духовника. К этому периоду его деятельности относится моё личное знакомство с ним. В 1908 году я был избран Советом Московской Духовной Академии на кафедру русской гражданской истории, и Сергею Ивановичу поручено было Советом вести со мною сношения по этому делу. Его сразу при первом же свидании с ним открывавшиеся душевные качества, благородство и прямота его характера в соединении с необыкновенною скромностью не могли не завоевать симпатий к нему, и встреча на жизненном пути с Сергеем Ивановичем была для меня встречей с одним из лучших людей, которых я знаю. Притом он был в высшей степени интересный собеседник. Наши специальности близко соприкасаются одна с другой, и беседа с Сергеем Ивановичем на научные темы по русской истории в широком смысле этого термина доставляла мне большое наслаждение и была всегда, благодаря его обширным знаниям, полезна. Мы нередко затрагивали в этих разговорах вопросы, одинаково нас интересовавшие и интересом к которым мы оба были обязаны общему нашему учителю В. О. Ключевскому: о колонизации северо-восточной и северной Руси славянским племенем, о взаимодействии между славянскими поселенцами в Залесском, Суздальском краю и туземцами этого края финнами, о происхождении великорусского племени, о встрече принесённого из Византии на Русь христианства с славянским и финским язычеством. Вопрос о взаимодействии славян и финнов был близок Сергею Ивановичу ещё и по той особенной причине, что он был родом из той местности Владимирской губернии, где напоминание о некогда обитавшем здесь финском элементе сохранилось в самом названии того села «Большая Брембола» Переяславль-Залесского уезда, откуда Сергей Иванович происходил: он был сын священника этого села. Языческими верованиями, с которыми христианство встретилось на Руси, Сергей Иванович с интересом занимался, изучая создавшееся из этой встречи в русском народе двоеверие по историческим памятникам и наблюдая его остатки в современном нам народном быту, в особенности на своей родной стороне, а эти наблюдения уводили Сергея Ивановича в широкую область фольклора. В связи с его интересом к вопросу о взаимодействии язычества и христианства возникли статья о «Бабах богомерзких», напечатанная в сборнике статей в честь В. О. Ключевского, и актовая академическая речь «Исповедь Земле», произнесённая им в 1912 году, в которой это явление исповеди Земле рассматривается как пережиток языческого культа.

с. 34

с. 35

¹ Журналы Совета М. Д. А. 1906 г. 89—99.

Не во всём можно было с Сергеем Ивановичем соглашаться, иногда приходилось с ним долго и оживлённо спорить, но и при несогласии во взглядах нельзя было не уважать глубокой искренности его идей, нельзя было не ценить дышавшей в каждом его слове горячей любви к тому народу, историей религиозного быта которого он занимался.

Наши беседы с Сергеем Ивановичем сделались особенно продолжительны и часты, когда мы оба очутились в той обстановке, которая особенным образом к ним располагала: на последнем археологическом съезде в Новгороде в 1911 году. На этом съезде мне пришлось присутствовать при публичном выступлении Сергея Ивановича перед большой аудиторией. Сергей Иванович вообще редко и, видимо, неохотно выступал вне своей академической аудитории; но каждый раз, когда он это делал, он делал это с честью, являясь во всеоружии своих знаний. Я был свидетелем двух его таких выступлений — на упомянутом Новгородском съезде и затем в том же 1911 году 12 ноября в Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. На съезде, в первом же его научном заседании, происходившем под почётным председательством высокопреосвященного Арсения, Архиепископа Новгородского, был прочитан одним из членов съезда доклад о епископе Новгородском Нифонте. Сергей Иванович, превосходно знакомый с вопросом, так как ему пришлось немало поработать над обращённым к Нифонту «Вопрошанием Кирика», выступил с рядом веских, обстоятельно развитых и необыкновенно ясно изложенных возражений, развёртывая перед внимательно следившим за этим диспутом многолюдным собранием свою глубокую эрудицию в истории русской церкви и древнерусской письменности. Чувство моего уважения к Сергею Ивановичу, как учёному, после этого его выступления возросло ещё более. Заседание Общества Истории и Древностей Российских 12 ноября 1911 года, в полугодовой день кончины В. О. Ключевского, было посвящено его памяти. Сергей Иванович прочитал тогда реферат об известной работе Ключевского о древнерусских житиях, как историческом источнике, и в этом реферате с большою тонкостью проследил и характеризовал процесс работы Ключевского над житиями. Чтение Сергея Ивановича, помню, произвело самое благоприятное впечатление на членов общества. Вдохновлённый дорогою для него памятью того, о ком шла речь в реферате, Сергей Иванович блеснул здесь своим талантом исследователя. И в этом случае он выступал публично с словом в той области, с которою был основательно знаком: он был одним из лучших знатоков житийной литературы; поэтому его слово по затронутому вопросу и было так авторитетно и ценно.

с. 36

Работа над докторской диссертацией шла у Сергея Ивановича очень медленно, и я не раз упрекал его в этом. Но когда в начале 1913 года вышел, опередив самое исследование о древнерусском духовнике, огромный том «Материалов для истории древнерусской покаянной дисциплины», долженствовавший служить приложением к исследованию, я понял, насколько мои упреки были неосновательны. С такою работой и нельзя было справиться в более короткое время. Этот том содержит тексты памятников покаянной дисциплины с примечаниями к ним. Своё мастерство в издании древнего текста, своё бережливое отношение к каждой букве такого текста Сергей Иванович показал уже раньше, поместив тексты в приложениях к магистерской диссертации и издав в 1908 году по случаю 400-летия Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском житие преподобного Даниила Переяславского чудотворца. Но в издании, о котором идёт речь, это мастерство доведено до высшей степени. Громадных трудов стоило Сергею Ивановичу прежде всего самое разыскание текстов по разным библиотекам и хранилищам рукописей. Большей внимательности, большей тщательности, большего соблюдения всех научных требований в самой технике изданий нельзя и желать; издание «Материалов древнерусской покаянной дисциплины» можно считать образцовым.

Существенное достоинство изданий, подобных предлагаемым теперь «материалам», — писал в своём отзыве официальный рецензент докторской диссертации Сергея Ивановича профессор А. И. Алмазов, — это — возможно безупречная верность оригиналу редактируемого текста. На наш взгляд, даже самый характер опечаток, отмеченных у автора, так неизбежно присущих печатным изданиям, даёт достаточное основание признать указываемую верность... Другим достоинством тех же изданий должно быть избрание возможно исправного и наиболее раннего оригинала для предназначенного к печатанию памятника. Это условие возможно соблюсти только при широкой осведомлённости относительно рукописей, содержащих издаваемый памятник. Последнее несомненно осуществлено автором. Для настоящего издания он изучил рукописи не только известных публичных библиотек и библиотек различных просветительных учреждений, но и в частных собраниях. Достигается поэтому и настоящее второе требование от издания

с. 37

памятников. Наконец, от изданий в рассматриваемом роде всегда желательно и то, чтобы издаваемый текст по возможности был освещён и со стороны его разночтений. Соблюдено профессором С. И. Смирновым и это тщательным приведением вариантов по известным ему рукописям. Всё это показывает, что настоящее издание потребовало от автора долгих и деятельных исканий и такой же кропотливой работы.¹

«Заметки» или комментарии к текстам, помещённые вслед за текстами, разрастаются иногда в самостоятельные и обширные по объёму исследования. Таковы, на мой взгляд, наиболее выдающиеся по значению заметки об «Особой редакции Вопросания Кирика» и об источниках Вопросания, а также заметка о Послании Иакова Черноризца к ростовскому князю Дмитрию, в которой образцово исследованы вопросы и о личности писателя послания, и о личности князя Дмитрия, и о времени написания памятника. В поисках за нужными ему текстами, сколько рукописей, сколько рукописных сборников Сергей Иванович должен был пересмотреть, сколько рукописного материала признать при этом для его целей непригодным! Производя разыскания текстов по библиотекам и древлехранилищам, Сергей Иванович сделался знатоком не только памятников древней покаянной письменности, но и памятников древнерусской письменности вообще. Его имя стали произносить с уважением в кругах историков русской литературы. Помню, когда в одном из заседаний Историко-филологического факультета Московского Университета зашла речь о том, какие из объявленных приват-доцентами практических занятий принимать к зачёту, профессор М. Н. Сперанский предложил признать таковыми объявленные Сергеем Ивановичем практические занятия по разбору церковных памятников, мотивируя своё предложение доводом, что на этих занятиях студенты могут получить в высшей степени полезное руководство по изучению памятников древнерусской письменности. Это предложение было сочувственно поддержано специалистами по кафедре русской истории и единогласно принято факультетом. В последние годы жизни Сергей Иванович сделался желанным гостем в недавно возникшем обществе для изучения истории русской литературы, объединившем преимущественно молодые научные силы, очень энергично и оживлённо действующем под авторитетным председательством профессора М. Н. Сперанского. Сергей Иванович выступал там с рефератами и с удовольствием посещал это общество.

с. 38

Наконец, в исходе 1913 года вышло и исследование Сергея Ивановича о древнерусском духовнике. Обе книги: и исследование, и материалы были представлены им в Московскую Духовную Академию в качестве докторской диссертации. Для этой цели, строго говоря, было бы совершенно достаточно и тома Материалов, в котором давались не только тексты, но и исследования текстов: но учёная разборчивость и щепетильность не позволяли Сергею Ивановичу подать в качестве диссертации том Материалов. Он всё же находил его слишком сырым; у него со словом «диссертация» соединилось понятие о «рассуждении». Вот почему он и предпочёл ждать докторской степени до осени 1914 года.

Я был назначен одним из рецензентов книги. Чтение диссертаций и составление о них отзывов — тяжёлая сторона профессорской службы, в особенности диссертаций с нижним этажом, перегруженным совсем ненужными и не идущими к делу ссылками, приводимыми с единственной целью выставить напоказ свою учёность, или диссертаций непомерно растянутых и многословных, в которых на нескольких стах страницах излагается то, о чём можно было бы, если бы только немного поработать мыслью, сказать на нескольких десятках страниц. Неудивительно, что назначение в рецензенты диссертаций рассматривается как тяжёлая повинность. Чтение книги Сергея Ивановича доставило мне истинное наслаждение. О её литературных достоинствах пришлось, не зная прежних отзывов Ключевского и профессора Андреева о кандидатской и магистерской работах Сергея Ивановича, повторить по существу то же самое. Стройный план, ясная светлая мысль, немногими словами выраженная, кристальная прозрачность и изящная простота языка, меткость характеристик — вот литературные свойства, делающие из чтения книги Сергея Ивановича скорее удовольствие, чем труд. Тонкое чувство меры, это неперемное условие литературного таланта, неизменно руководило автором и было причиной умения о каждом затронутом предмете сказать то, что о нём сказать должно, не меньше и не больше, чем следовало, без ущерба для ясности и полноты и без излишества, затемняющего суть дела. Разумеется, литературный талант, как и всякое художественное дарование, был органически присущ Сергею

с. 39

¹ Журналы Совета М. Д. А. 1914 г., 674—675.

Ивановичу; но и при всём наличии такого таланта, сжатость и точность изложения и изящество формы требовали, надо полагать, от автора большого труда на внешнюю отделку книги; без труда эти свойства никакому таланту не даются, и чем талантливее писатель, тем меньше он решается выступать перед публикой с своими неотделанными черновиками.

Привлекало к книге и внутреннее её содержание. Сергей Иванович избрал для исследования небольшой сравнительно вопрос из истории церковного быта, но изучил его во всю его глубину, разносторонне при этом его освещая. Духовничество, как оно сложилось в древней Руси, Сергей Иванович считал не каноническим, а бытовым явлением, и как бытовое рассматривал, обходя в диссертации законодательство о духовнике. Не воля церковного законодателя создавала древнерусскую дисциплину покаяния и её орган. Воля собора или иерарха вмешивалась в отношения духовного отца к детям, только разрешая отдельные частные казусы и внося в эти отношения только частичные исправления. В предисловии Сергей Иванович просит читателя смотреть на его книгу только как на характеристику древнерусского духовничества с бытовой его стороны, только как на исследование по истории церковного быта. И читатель действительно найдёт богатый материал по этой истории, следя по книге Сергея Ивановича за характеристикой духовника, за изображением организации духовничества на Руси, за положением духовника в древнерусском обществе и его официальной деятельностью, за его нравственным мирозерцанием, за его учительной и дисциплинарной деятельностью и, наконец, за теми изменениями, которые в древнерусском духовничестве были вызваны церковным расколом XVII века. Те страницы книги, где для выяснения уровня нравственного мирозерцания древнерусского духовника даётся разбор Вопрошания Кирика, где приводятся с скрупулёзной тщательностью собранные известия о некоторых выдающихся духовниках древней Руси и где даются характеристики духовнической деятельности виднейших представителей раскола — Ивана Неронова и Аввакума, заслуживают быть по силе блестящего в них таланта особо отмеченными. «Внимательный и тонкий анализ текстов», писал я в официальном отзыве о книге Сергея Ивановича, «научное беспристрастие, умение равномерно отметить положительные и отрицательные стороны изучаемого явления, осторожность в выводах, изящная простота языка и яркость образов, возвышающаяся до художественности — таковы ценные качества работы С. И. Смирнова. Они дают нам право считать его работу образцом исторического исследования». —

Автор поставил себе задачу, — говорил в заключительных строках своего отзыва другой официальный рецензент профессор А. И. Алмазов, — научное освещение церковно-исторического вопроса, ещё не затронутого в нашей духовной учёной литературе, вопроса притом особенной важности в церковно-общественном отношении. Для этого освещения он с редкою обстоятельностью изучил материалы, относящиеся к предмету его исследования. В этом отношении он привлёк к выполнению своей задачи всё выдающееся в нашей научной литературе, так или иначе соприкосновенное с предметом его исследования. В содержание такой изученной им литературы входят не только исследования в области духовной науки, но и из области вообще исторической науки, а сверх того и сырые материалы в виде различных изданий — исторических актов и канонических памятников. Не ограничиваясь этим, он, далее, непосредственно сам изучает для своей цели рукописные памятники церковной письменности. Благодаря всему этому, рассматриваемая книга заключает в себе действительно большой материал по предмету исследования. Этот материал, далее, автору приходилось извлекать с великим терпением, так как свойство избранного им для исследования предмета требовало от него внимательного отношения даже к отдельным речениям и словам в изученных материалах. Приложение того же материала к выполнению работы делалось с поучительной точностью во всех случаях. Результатом всего теперь отмечаемого получилось действительно научное освещение ряда вопросов — и не только непосредственно вытекающих из поставленной автором задачи, но и стоящих в стороне от него.¹

Бывают касающиеся интересных вопросов книги, по прочтении которых хочется видеть скорейшего появления других исследований на ту же тему. После книги Сергея Ивановича в скором времени едва ли кому придёт на мысль браться за тему о древнерусском духовнике. Света, им пролитого на этот вопрос, хватит надолго. С чувством глубокого удовлетворения я узнал осенью прошлого 1915 года, что работа Сергея Ивановича нашла себе высокую оценку в нашем высшем учёном учреждении, в Императорской Академии Наук. Она была удостоена большой Уваровской премии.

¹Журналы Совета М. Д. А. 1914 г., 619, 673—674.

Так завершены были Сергеем Ивановичем три обязательные стадии в движении русского профессора. На них и оборвался его учёный путь. Его учёное имущество тремя обязательными книгами, однако, не ограничивалось или, лучше сказать, не выражено было в них всё. В работе над тремя диссертациями и в попутной работе по поводу и для диссертаций приобретена была обширная эрудиция, собран был значительный запас знания, и Сергей Иванович в последующие годы мог бы пускать его в научный оборот, жить даже процентами с приобретённого запаса. Бесплезно судить о том, как мог бы он его ещё приумножить, если бы его жизнь не пресеклась так быстро. Он говорил мне не раз, что думает об издании второго тома собранных им памятников, что вернётся опять к византийской древности, и нет ничего невероятного в том, что при отличавшем его трудолюбии и настойчивости он осуществил бы эти намерения и сделал бы ещё многое другое, полезное для русской науки. Русской науке во многом приходилось брать за образец западно-европейскую. К сожалению только русские учёные не подражают своим западно-европейским коллегам в долготелии. Долгие годы принесли бы и многие плоды. Но что говорить о том, когда этого не случилось!

с. 42

В лице Сергея Ивановича перед нами скромной неторопливой поступью прошёл бескорыстный и честный работник науки, одарённый и трудолюбивый исследователь, мужественно вступавший в обширные погружённые во мрак дебри неизвестного, внося в них свою работой свет знания, потомок древнерусских великороссов поселенцев его родного Залесского края, скромно, без крика о себе, но настойчиво и трудолюбиво просекавших первобытный тёмный лес, чтобы на расчищенных местах распахивать плодоносные нивы. И Сергей Иванович недолго, но добросовестно и плодотворно потрудился на русской научной ниве, и только тяжкая смертельная болезнь пахаря оставила полосу его недожатой. В этой добросовестности его работы, в проникавшей каждый его труд ясности мысли не сказывалась ли его чистая и честная душа, которая всегда светилась таким тихим и ровным светом в его серьёзном, задумчивом, немного грустном, но всегда прямо смотревшем на собеседника взоре?

М. Богословский.

Список печатных трудов † профессора С. И. Смирнова

(1892—1916)

I. Статьи, исследования и издания, речи и доклады

1. К семейному положению русской крестьянки. Русская Жизнь 1892 г., № 198.
2. Значение Печерского монастыря в начальной истории русской церкви и общества. Богословский Вестник 1896 г., том IV, октябрь, 1—23.
2 а. То же. Отдельный оттиск. (Пробная лекция по кафедре Истории русской церкви, читанная в Московской Духовной Академии 19 апреля 1896 года.) Сергиев Посад, 1896. Стр. 23.
3. Отчёт о занятиях в течении 1895—6 учебного года в качестве профессорского стипендиата по кафедре Истории русской церкви. Журналы Совета Московской Духовной Академии за 1896 год. Сергиев Посад, 1897, стр. 367—380.
Отзыв об Отчёте Профессора В. О. Ключевского. Там же, стр. 380.
4. Древнерусский духовник. (Очерк.) Богословский Вестник 1898 г., том I, февраль, 163—194; том IV, октябрь, 18—47; ноябрь, 117—148; Приложения к статье «Древнерусский духовник». Там же, том IV, октябрь, 1—21, с особой пагинацией.
4 а. То же. Отдельный оттиск. Сергиев Посад, 1899. Стр. 115.
Рецензии: П. П. Богословский Библиографический Листок. Приложение к Руководству для сельских пастырей 1899 г. выпуск 6—7, 107—108; Щ. Исторический Вестник 1899 г., том LXXVII, № 9, 1007—1008 («Труд, представляющий полный свод данных по вопросу о духовниках, будет надёжным пособием при специальных изысканиях»).
5. Преподобный Сергей Радонежский и Троицкая Лавра его времени. (К 5 июля.) Публичная лекция, читанная 21 ноября 1897 года в Московской Духовной Академии для членов Рогожского отделения первого Московского Общества Трезвости в приезд их на богомолье в Троицкую Лавру. Душеполезное Чтение 1898 г., часть II, № 7, 438—452.
5 а. То же. Отдельный оттиск. Москва, 1898. Стр. 15.
6. Водокрещи. (Материалы для истории крещенских обрядов в древней Руси.) Богословский Вестник 1900 г., том I, январь, 1—17.
6 а. То же. Отдельный оттиск. Сергиев Посад, 1900. Стр. 17.
7. Праздник Пасхи в древней Руси. Церковные Ведомости. Прибавления. 1900 г., № 15—16, 618—624. Подписано буквой: С.
8. Памяти Протоиерея Александра Васильевича Горского († 11-го октября 1875 года). С портретом. Церковные Ведомости. Прибавления. 1900 г., № 42, 1698—1705. Подписано буквой: С.
9. Александр Васильевич Горский. (Биографический очерк.) Речь, произнесённая на торжественном собрании в память А. В. Горского в Московской Духовной Академии 22 октября 1900 года. Богословский Вестник 1900 г., том III, ноябрь, 381—441.
9 а. То же. В книге: Протоиерей Александр Васильевич Горский в воспоминаниях о нём Московской Духовной Академии в двадцать пятую годовщину со дня его смерти. 11 и 22 октября 1900 года. (С приложением некоторых неизданных бумаг из Архива А. В. Горского.) Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900. Стр. 15—75.

9 б. То же. Отдельный оттиск. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1901. Стр. 63. С портретом.

Рецензия: П. П. Богословский Библиографический Листок. Приложение к Руководству для сельских пастырей. 1901 г., выпуск 2—3, 52—53; К. Х. (Харлампович): Литературный Вестник 1901 г., том I, книга IV, 464—465.

10. Праздник Крещения Господня в древней Руси. Церковные Ведомости. Прибавления. 1901 г., № 1, 12—21. Подписано буквой: С.

11. Как говели в древней Руси? Церковные Ведомости. Прибавления. 1901 г., № 8, 266—279; 9, 305—311; 10, 343—351.

11 а. То же. Отдельный оттиск. СПб., 1901. Стр. 95.

12. Как служили миру подвижники древней Руси? (Историческая справка к полемике о монашестве.) Богословский Вестник 1903 г., том I, март, 516—580; апрель, 716—788.

12 а. То же. Отдельный оттиск. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903. Стр. 141+II. Эта справка написана по поводу вызванной статьёй А. В. Круглова полемики о монашестве между Архимандритом Никоном (Рождественским, ныне архиепископ), Архимандритом Евдокимом (Мещерским, ныне архиепископ), Профессором Н. Ф. Каптеревым, Профессором А. И. Введенским, Профессором А. А. Спасским и другими. Архимандрит Никон написал по её поводу статью: За кого говорит история? (К вопросу о монашестве.) Душеполезное Чтение 1903 г., часть III, № 12, 688—713, и отдельный оттиск. Москва, 1903. Стр. 28. (Сравни рецензии статьи Архимандрита Никона — а) Профессора Священника Ф. И. Титова в Богословском Библиографическом Листке. Приложение к Руководству для сельских пастырей. 1904 г., выпуск 2—3, 85—88 и б) Обзор журналов — Странник 1914 г., том I, часть I, 158—163.) О статье С. И. Смирнова Профессор В. О. Ключевский, при представлении её на Макариевскую премию в Академии, писал: «Этот труд имеет общий научный интерес, представляет довольно полный обзор истории древнерусского монашества с той стороны, которую автор называет „служением миру“ и которая редко рассматривалась так полно и внимательно в нашей церковно-исторической литературе». (Журналы собраний Совета Московской Духовной Академии за 1904 год. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1905, стр. 15—16.) Смотри в Историческом Вестнике 1903 г., том ХСIII, № 7, 305—308, писал: «Прекрасная брошюра, где автор вполне правильно и основательно знакомит читателя с вопросом о служении миру подвижников древней Руси». Смотри ещё отзывы: Профессор Священник Ф. И. Титов — Богословский Библиографический Листок. Приложение к Руководству для сельских пастырей. 1903 г., выпуск 10—11, 235—237; Б. Странник 1903 г., том II, часть I, № 7, 136—137; Киевские Епархиальные Ведомости 1904 г., часть неофициальная, № 8, 188—190; Самарские Епархиальные Ведомости 1904 г., часть неофициальная, № 8, 478—480.

13. Голубинский Евгений Евсигнеевич. Православная Богословская Энциклопедия. Издание под редакцией Профессора А. П. Лопухина. Том IV. Петроград, 1903. Колонки 502—508.

14. Горский Александр Васильевич. Там же. Колонки 541—550.¹

15. «Духовный отец» или старец в древних восточных монастырях. Богословский Вестник 1904 г., том III, ноябрь, 473—508; декабрь, 682—716.

Рецензии: С. П. Крестов (Христианское Чтение 1905 г., том ССХIX, часть 1-я, № 1, 130—134): «Глубокий интерес имеет статья, хорошо обоснованная на исторических данных в рассматриваемая свой предмет с большою детальностью». В. Н. Бенешевич — Византийский Временник 1905 г., том XII, выпуск 1—4, 355—356. СПб., 1906.

16. Исповедь и покаяние в древних монастырях Востока. Богословский Вестник 1905 г.

а) Сакраментальная исповедь. Том I, февраль, 371—400.

б) Старческая исповедь. Март, 453—480.

в) Орган тайной монашеской исповеди — старец. Апрель, 733—774.

Рецензия: В. Н. Бенешевич — Византийский Временник 1905 г., том XII, выпуски 1—4, 356—357. СПб., 1906.

¹В Православной Богословской Энциклопедии, том V, Петроград, 1904, две статьи, подписанные буквой: S., принадлежат, кажется, С. И. Смирнову: Изборники, колонки 804—813, и Иларион, митрополит Киевский, колонки 846—849.

17. Исповедь мирян пред старцами. (Служение миру древнего монашества.) Богословский Вестник 1905 г., том III, сентябрь, 1—38.

18. Кто совершал таинство покаяния в древней церкви? Богословский Вестник 1906 г., том I, март, 469—502; апрель, 607—638; том II, май, 1—33.

19. Духовный отец в древней восточной церкви. (История духовничества на Востоке.) Исследование в двух частях. Часть I (Период вселенских соборов). Сергиев Посад, 1906. Стр. XXII+341+II. В состав этого труда вошли статьи, помеченные под номерами 15—18 и 20 этого списка. *Сочинение на степень магистра богословия.*

Официальные отзывы — Извлечение из Журналов собраний Совета Московской Духовной Академии за 1906 год. Сергиев Посад, 1907. — Профессора Н. А. Заозерского (стр. 89—92): «всюду в своей книге автор выступает исследователем обстоятельным, строго критическим и чуждым увлечения и поспешности... По учёной основательности и важности предмета исследования признаю книгу вполне заслуживающею искомой учёной степени», — и Профессора И. Д. Андреева (стр. 92—99): «Исследование — совершенно зрелая и талантливая работа во всех отношениях. Я уверен, что она найдёт хороший приём и за границей. Европейские византологи, без сомнения, прочтут новую книгу о монашестве с большим интересом». Защита сочинения состоялась 8 июня 1906 года. См. Извлечение из Журналов собраний Совета Московской Духовной Академии за 1906 год. Сергиев Посад, 1907, стр. 192—193 (официальными оппонентами были Ректор Академии Епископ Евдоким, за болезнью Профессора Н. А. Заозерского, и Профессор И. Д. Андреев) и Церковный Вестник 1906 г., № 24, 801. В 1907 году труд С. И. Смирнова удостоен премии Митрополита Московского Макария при Академии, как «лучшее магистерское сочинение воспитанника Академии». См. Извлечение из Журналов собраний Совета Московской Духовной Академии за 1907 год. Сергиев Посад, 1908, стр. 25, 27 и 64. См. ещё отзывы о труде С. И.—ча: Павел Верховский — Исторический Вестник 1906 г., том CVI, № 10, 301—303; М. Г. — Богословский Библиографический Листок. Приложение к Руководству для сельских пастырей. 1906 г., выпуск 12, 449—453; Профессор П. Гидулянов. Вопрос о тайной исповеди и духовниках восточной церкви в новейшей русской литературе. Византийский Временник за 1907 год, том XIV, выпуск 2—3, 399—442, и отдельно. СПб., 1908. Стр. 44; Профессор Н. Н. Глубоковский, По вопросам духовной школы. СПб., 1907, стр. 68, примечание 5; Сергей Зарин — Церковный Вестник 1907 г., № 37, 1196—1198; Профессор Н. С. Суворов — Журнал Министерства Народного Просвещения 1907 г., новая серия, часть VII, № 1, отдел 2-й, стр. 170—180; С. Троицкий — Церковные Ведомости. Прибавления. 1907 г., № 22, 905—907.

20. Древнее духовничество и его происхождение. Речь, произнесённая на диспуте 8 июня 1906 года пред защитой диссертации «Духовный отец в древней восточной церкви. Часть I. Сергиев Посад, 1906». Богословский Вестник 1906 г., том II, июль—август, 369—382, и в книге «Духовный отец в древней восточной церкви. Часть I. Сергиев Посад, 1906», стр. IX—XXII (Вместо введения).

20 а. То же. Вырезка из книги: «Духовный отец в древней восточной церкви. Часть I. Сергиев Посад, 1906». *Sine titulo*. Стр. IX—XXII.

21. Доклад в Совет Московской Духовной Академии, составленный в комиссии с профессором Н. Ф. Каптеревым, исправляющим должность доцента И. М. Громогласовым и исправляющим должность доцента Д. Г. Коноваловым, «по вопросу об учреждении при Академии на средства Московской епархии штатной кафедры русского сектантства». Журналы собраний Совета Московской Духовной Академии за 1904 год. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1905, 359—368.

22. Иона Маленький. Православная Богословская Энциклопедия. Издание преемников † профессора А. П. Лопухина. Под редакцию профессора Н. Н. Глубоковского. Том VII. СПб., 1906, колонки 286—287.

23. Казанский Пётр Симонович. Там же, колонки 678—683.

24. Милосердый подвижник — Даниил Переяславский. (По поводу 400-летия его монастыря.) Богословский Вестник 1908 г., том II, июль—август, 569—576.

25. Житие Преподобного Даниила, Переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и Чудеса его. К 400-летию Троицкого Данилова монастыря в Переяславле-Залесском (15 июля 1508 г. — 15 июля 1908 г.) Издание профессора С. И. Смирнова. Москва, 1908. Стр. XXXVIII+133.

Рецензии и отзывы: Профессор А. А. Бронзов — Церковные Ведомости. Прибавления. 1909 г., № 8, 401—402; Ар. Л—в — Церковный Вестник 1908 г., № 43, 1344; П. Петрушевский — Богословский Библиографический Листок. Приложение к Руководству для сельских пастырей. 1908 г., выпуск 8—9, 282—286.

26. Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней Святого Димитрия Ростовского, с объяснительными примечаниями и изображениями святых (Миней Четьи на русском языке). Книга дополнительная первая. (Жития русских святых. Месяцы сентябрь—декабрь.) Издание Московской Синодальной Типографии. Москва, 1908. Стр. III+592+1 н.

Это издание редактировано С. И.—чем, и им написаны помещённые в нём Житие преподобного Диодора Юрьегорского, Сказания о преподобном Варлааме Керетском и о князе Андрее Смоленском, Переяславском чудотворце.

27. «Бабы богомерзкие». Сборник статей, посвящённых Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском Университете. (5 декабря 1879 — 5 декабря 1909 года.) Москва, 1909, стр. 217—243.

27 а. То же. Вырезка. Sine titulo. Стр. 217—243.

28. Кирик и Кирика Вопрошание. Богословская Энциклопедия. Том X. Составлен под редакцией Профессора Н. Н. Глубоковского. Издание преемников † профессора А. П. Лопухина. СПб., 1909. Колонки 204—212.

29. Речь при погребении профессора В. О. Ключевского. Некролог В. О. Ключевского — Богословский Вестник 1911 г., том II, май, 19—20. (В приложении), и в брошюре: В. О. Ключевский. † 12 мая 1911 г. Сергиев Посад, 1911, стр. 15—16.

30. Речь при погребении профессора А. П. Голубцова. Некролог А. П. Голубцова — Богословский Вестник, 1911 г., том II, июль—август, 37—38. (В приложении), и в брошюре: Александр Петрович Голубцов, Профессор Московской Духовной Академии († 4 июля 1911 года). С портретом покойного. Сергиев Посад, 1911, стр. 37—38.

31. Е. Е. Голубинский. (Некролог.) Русские Ведомости 1912 год. № 9 (12 января).

32. Е. Е. Голубинский. (Некролог.) Журнал Министерства Народного Просвещения. 1912 год. Новая серия. Часть XXXIX, май, отдел 4-й, стр. 19—43.

32 а. То же. Вырезка. Sine titulo. Стр. 19—43.

33. Значение слова «плоть» (*σάρρ*) в вероучительной системе Святого Апостола Павла. Богословский Вестник 1912 г., том II, июнь, 307—352. Подписано буквой: С.

33 а. То же. Вырезка. Sine titulo. Стр. 307—352.

34. Исповедь земле. Речь, произнесённая с сокращениями на акте Московской Духовной Академии 1 октября 1912 г. (Древнерусское двоеверие и исповедь земле. — I. Исповедь без духовника, пред святынями. — II. Культ земли. — III. Земля и совесть человека. — IV. Исповедь земле теперь.) Богословский Вестник 1912 г., том III, ноябрь, 501—537.

34 а. То же. Годичный акт в Московской Духовной Академии 1-го октября 1912 г. Сергиев Посад, 1912. Стр. 3—39.

34 б. То же. Отдельный оттиск. Сергиев Посад, 1912. Стр. 39. Эта статья вошла также в состав книги: Древнерусский духовник. Москва, 1913. См. № 37.

Рецензия: Е. Елеонская. Живая Старина 1913 г., выпуск I—II, стр. 214—215.

35. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. (Тексты и заметки.) Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1912 год. Книга 3-я (242-я), (отделение) II: Материалы историко-литературные. Стр. 1 н.+1—464+464*+465—568.

35 а. То же. Отдельный оттиск. Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. Москва, 1912. Стр. 1 н.+1—464+464*+465—568.

Отзыв Профессора И. В. Попова, при представлении на Макарьевскую премию в Академии, в «Журналах собраний Совета Императорской Московской Духовной Академии за 1913 год». Сергиев Посад, 1914, 24—26.

36. Русские духовники и раскол старообрядства. Богословский Вестник 1913 г., том III, ноябрь, 506—532; 12, 701—724. Статья вошла в состав книги: Древнерусский духовник. Москва, 1913. См. № 37.

37. Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1914 год. Книга 2-я (249-я). Москва, 1913. Стр. VIII+290.

37 а. То же. Отдельный оттиск. Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. Москва, 1913. Стр. VIII+290.

Отзыв Профессора А. П. Орлова, при представлении на Макарьевскую премию в Академии, в «Журналах собраний Совета Императорской Московской Духовной Академии за 1914 год». Сергиев Посад, 1916, 25—26. Отзывы были ещё: Рязанские Епархиальные Ведомости 1915 г., отдел неофициальный, № 3, 124—125; Церковные Ведомости, Прибавления, 1915 г., № 17, 579—581.

38. То же. Исследование с приложением: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. Москва, 1914. Стр. VIII+290+1 н.+1—464+464*+465—568+1—2 н. Сброшюровано вместе с изданием, значащимся под № 35-м.

Эта работа была диссертацией на степень доктора церковной истории. Официальные отзывы Профессора М. М. Богословского (Журналы собраний Совета Императорской Московской Духовной Академии за 1914 год. Сергиев Посад, 1916, 609—619 («Внимательный и тонкий анализ текстов, научное беспристрастие, умение равномерно отметить положительные и отрицательные стороны изучаемого явления, осторожность в выводах, изящная простота языка и яркость образов, возвышающаяся до художественности — таковы ценные качества работы С. И. Смирнова. Они дают нам право считать его работу образцом исторического исследования. Сочинение вполне заслуживает степени доктора церковной истории») — и Профессора А. И. Алмазова (619—677) («Труд почтенный, долженствующий быть отмеченными в русской церковно-исторической науке»). — 25 сентября 1915 года за эту работу от Императорской Академии Наук присуждена большая Уваровская награда в 1 500 рублей, по отзыву Профессора Н. К. Никольского (отзыв пока не напечатан); в 1916 году работа удостоена премии Митрополита Московского Макария при Святейшем Синоде в 500 рублей.

39. Из воспоминаний Е. Е. Голубинского. Детство. Сообщил профессор С. Смирнов. — Евгений Евсигнеевич перед смертью. (Записано профессором С. И. Смирновым) — в книге: У Троицы в Академии. 1814—1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. Москва, 1914, стр. 708—720 и 720—721.

40. Александр Васильевич Горский. В книге: Памяти почивших наставников. Издание Императорской Московской Духовной Академии ко дню её столетнего юбилея (1814—1 октября—1914). Сергиев Посад, 1914. Стр. 58—94, с портретом.

41. Евгений Евсигнеевич Голубинский. Там же. Стр. 287—310, с портретом.

II. Отзывы о книгах и обзоры журналов

42. «Беседы по русской истории». Книга для чтения в школе и дома. Издание Училищного Совета при Святейшем Синоде. СПб., 1895. Богословский Вестник 1896 г., том I, январь, 163—169.

43. О сочинениях Николая Саввича Тихонравова. (Заметка.) Богословский Вестник 1898 г., том III, сентябрь, 356—371.

44. Новые издания материалов по Истории Русской Церкви. 1) Летопись по Лаврентьевскому списку. Издание 3-е Археографической Комиссии. СПб., 1897; 2) Великие Минеи Чети, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Ноябрь, дни 1—12. Издание Археографической Комиссии. СПб., 1897; 3) Житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Издание Археографической Комиссии. СПб., 1897; 4) Хождение священно-инока Варсонофия ко святому граду Иерусалиму в 1456 и 1461—62 годах. Православный Палестинский Сборник. Выпуск 45. Москва, 1896; 5) Хождение архимандрит Агрешенья обители Пресвятыя Богородица. Православный Палестинский Сборник. Выпуск 48. СПб., 1896; 6) Беседы преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев. Апокрифический памятник XVI века. Текст его с введением В. Г. Дружинина и М. А. Дьяконова. Летопись занятий Археографической Комиссии. Выпуск X. СПб., 1895; 7) Н. Никольский, Материалы для истории древней русской духовной письменности. Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. 1897 г. Том II, книга I-я; 8) Житие преподобного Паисия Галичского по списку первой половины XVIII века. Православный Собеседник, 1898 г., июль—август; 9) Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Издание журнала «Странник» под редакцией профессора А. И. Пономарёва. Выпуски I—III. СПб., 1894—1897. — Богословский Вестник, 1899 г., том I, январь, 134—154.

45. Материалы и исследования по истории русской церкви. 1) *Summa Regum Romaeo-gossicatum. Αλαττα τα Ρωμαιορωσσιχα*. Греки и Русь. (Оглавление подготовленного к печати полного собрания данных для суждения о характере русско-византийских отношений до 1453 г.). Х. М. Лопарёва. СПб., 1898; 2) Описание рукописей Кирилло-Белоозерского монастыря, составленное в конце XV в. Сообщение Н. Никольского. Издание Общества Любителей Письменности. № СХІІІ. СПб., 1897; 3) Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Перевод с арабского Г. Муркоса. Выпуски 1—4. Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских, 1897—1898 гг.; 4) А. Кадлубовский, Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. I—III. Русский Филологический Вестник, 1897—1898 гг.; 5) Из истории отречённых книг. I. Гадания по псалтири. II. Трепетники. Тексты и материал для объяснения собрал М. Сперанский. Памятники Древней Письменности, №№ СХХІХ и СХХХІ. СПб., 1899; 6) П. Милюков, Очерки по истории русской культуры, часть 2-я. 2-е издание журнала «Мир Божий». СПб., 1899. — Богословский Вестник, 1899 г., том III, сентябрь, 163—188.

46. Н. Малицкий, История Владимирской Духовной Семинарии. Выпуск 1-й. Москва, 1900. — Церковные Ведомости (Прибавления) 1900 г., № 34, 1373—1376. Подписано буквой: С.

47. Труды Владимирской Учёной Архивной Комиссии. Книга I. Владимир, 1899. — Церковные Ведомости (Прибавления) 1900 г., № 36, 1459—1461. Подписано буквой: С.

48. Е. Голубинский. История Русской Церкви. Том II, половина I. Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских. Москва, 1900. — Богословский Вестник 1900 г., том II, июнь, 288—304.

49. Ф. В. Благовидов. Обер-Прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. (Отношения обер-прокуроров к Святейшему Синоду.) Опыт церковно-исторического исследования. 2-е, переработанное издание. Казань, 1900. — Богословский Вестник 1900 г., том III, сентябрь, 146—165.

50. Великие Минеи-Четии. Выпуск 8-й: ноябрь, дни 13—15. Издание Археографической Комиссии. СПб., 1899. — Церковные Ведомости (Прибавления) 1901 г., № 6, 224—226. Подписано буквой: С.

51. Сергей, архиепископ Владимирский. Полный месяцеслов Востока. Том I. Восточная агиология. Том II. Святой Восток. Издание 2-е, исправленное и много дополненное. Владимир, 1901. — Церковные Ведомости (Прибавления) 1901 г., № 25, 895—900. Подписано буквой: С.

52. Труды Владимирской Учёной Архивной Комиссии. Книга II. Владимир, 1900. — Церковные Ведомости (Прибавления) 1901 г., № 25, 900—902. Подписано буквами: С. С.

53. Обзор русских журналов. Статьи по истории Русской Церкви. 1) М. В. Рубцов, К вопросу о хождении Трифона Коробейникова в святую землю в 1582 г. Журнал Министерства Народного Просвещения 1901 г., апрель; 2) Н. К. Никольский, Исторические особенности в постановке церковно-учительного дела в Московской Руси и их значение для современной гомилетики. Христианское Чтение 1901 г., февраль; 3) Г. М—в, Государственное значение всероссийских патриархов. Вера и Разум 1901 г., февраль и апрель; 4) Воспоминания протоиерея И. И. Базарова. Русская Старина 1901 г., февраль—май; 5) А. Папков, Церковно-общественные вопросы в эпоху Александра II (1855—1870). Русский Вестник 1901 г., январь—март; 6) Перечень других статей. Богословский Вестник 1901 г., том II, июнь, 374—400.

54. И. М. Ивакин. Князь Владимир Мономах и его поучение. Часть I. Поучение детям, Письмо к Олегу и отрывки. Москва, 1901. — Богословский Вестник 1901 г., том III, октябрь, 393—396.

55. Обзор журналов. Статьи по истории Русской Церкви. 1) Очень сомнительный юбилей. (Г. Ольховский, Важный момент в истории Холмской Руси. К вопросу о 900-летию Холмской епархии. Странник 1901 г., № 8); 2) Патриарх Гермоген по новым данным. (П. Васенко, Новые данные для характеристики патриарха Гермогена. Журнал Министерства Народного Просвещения 1901 г., № 7); 3) О древнерусских братствах. (С. Кедров, Древнерусские братства. Русский Архив 1901 г., № 7); 4) Киевская академия 200 лет тому назад: внешнее состояние, внутренний строй — выборное начало в корпорации, студенческие конгрегации (Профессор С. Голубев, Киевская Академия в конце XVII и начале XVIII столетий. Труды Киевской Духовной Академии 1901 г., № 11); 5) Последняя борьба

православного духовенства с унией в 1609—1611 г. (Профессор П. Н. Жукович, Последняя борьба духовенства митрополичьей епархии с Потеем и унией. Христианское Чтение 1901 г., август—сентябрь); 6) О духовной цензуре в России (Христианское Чтение 1901 г., май—сентябрь); 7) Митрополит Филарет у себя дома. (Из воспоминаний преосвященного Леониды Краснопевкова о Московском митрополите Филарете. Русский Архив 1901 г., № 8); 8) Из воспоминаний протоиерея И. И. Базарова: священник Гумилевский, из истории духовной школы и духовенства минувшего столетия, из истории духовной журналистики (Русская Старина 1901 г.); 9) Освободительная эпоха и попытки реформ в духовном ведомстве; Особое Присутствие; нужды духовенства и церкви, выясненные печатью; учреждение приходских попечительств; сокращение приходов (А. А. Папков, Церковно-общественные вопросы в эпоху Александра II (1855—1870). Русский Вестник 1901 г.); 10) Перечень других статей. — Богословский Вестник 1902 г., том I, февраль, 384—410.

56. В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев, 1901. — Богословский Вестник 1902 г., том II, июль—август, 616—640.

57. Сборники писем И. Т. Посошкова к митрополиту Стефану Яворскому. Сообщил В. И. Срезневский. СПб., 1900. — Богословский Вестник 1902 г., том II, июль—август, 640—650.

58. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, Архиепископа Александрийского. Издание 2-е, исправленное и дополненное (под редакцией Профессора А. П. Шостыгина). Части 1—4. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902—1903. — Церковные Ведомости (Прибавления) 1904 г., № 6, 216—218.

59. Профессор А. П. Голубцов, Соборные чиновники и особенности службы по ним. 1-я половина исследования. Москва, 1907. Отзыв при представлении его на Макарьевскую премию в Академии. Извлечение из Журналов собраний Совета Московской Духовной Академии за 1908 год. Сергиев Посад, 1909, стр. 10—11.

60. Отзыв о сочинении Г. Н. Шмелёва, Из истории Московского Успенского собора. Москва, 1908. Отчёт о первом присуждении премии А. П. Бахрушина Императорским Обществом Истории и Древностей Российских при Московском Университете. Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских 1910 г., книга 3-я (234-я), стр. 18—32.

60 а. То же. Отдельный оттиск. Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. Москва, 1910. Стр. 17.

61. Н. И. Серебрянский, Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. С критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории Псковского монашества. Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. Москва, 1908. Отзыв при представлении его на Макарьевскую премию в Академии. Журналы собраний Совета Московской Духовной Академии за 1910 год. Сергиев Посад, 1911, стр. 23—24.

62. Исследование В. О. Ключевского: «Древнерусские жития святых как исторический источник». Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских 1914 г., книга 1-я (248-я), стр. 53—71 (2-го счёта). Москва, 1914 (1913).

62 а. То же. Отдельный оттиск. Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. Москва, 1913. Стр. 21, с таблицей портретов. На стр. 15—21 напечатана статья Е. В. Барсова, Диспут г. Ключевского, из Современных Известий 1872 г., № 27.

63. Профессор М. М. Богословский, Земское самоуправление на русском севере в XVII в., том II. Москва, 1912. Отзыв при представлении его на Макариевскую премию в Академии. Журналы собраний Совета Императорской Московской Духовной Академии за 1913 год. Сергиев Посад, 1914, стр. 27—28.

III. Отзывы о сочинениях на учёные степени

64. Отзыв о представленных на степень доктора богословия работах Профессора А. П. Голубцова: а) Соборные чиновники и особенности службы по ним. Москва, 1907; б) Чиновник Новгородского Софийского собора. Москва, 1899; в) Чиновник Холмогорского Преображенского собора. Москва, 1903; г) Чиновник Нижегородского Преображенского

собора. Москва, 1905. Извлечение из Журналов собраний Совета Московской Духовной Академии за 1907 год. Сергиев Посад, 1908, стр. 73—88.

65. Отзыв о представленном на степень магистра богословия сочинении М. П. Азбукина, Очерк литературной борьбы представителей христианства с остатками язычества в русском народе (XI—XIV в.) Варшава, 1898. Журналы заседаний Совета Московской Духовной Академии за 1901 год. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902, стр. 207—209.

66. Отзыв о представленном на степень магистра богословия сочинении Н. И. Серебрянского, Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. С критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории Псковского монашества. Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. Москва, 1908. Журналы собраний Совета Московской Духовной Академии за 1909 год. Сергиев Посад, 1910, стр. 34—40.

67. Отзыв о представленном на степень магистра богословия сочинении Н. Л. Туницкого, Святой Климент, Епископ Словенский. Его жизнь и просветительная деятельность. Сергиев Посад, 1913. Журналы собраний Совета Императорской Московской Духовной Академии за 1913 год. Сергиев Посад, 1914, стр. 129—135.

68—73. Отзывы о сочинениях на степень кандидата богословия студентов 52-го курса Московской Духовной Академии в «Журналах Совета Московской Духовной Академии» за 1897 год. Сергиев Посад, 1898:

- а) Диакона Иоанна Бережкова, Быт и нравы древнерусского общества по поучениям древнерусских проповедников (XI—XVI в.). Стр. 105—106.
- б) Сергея Горского, Значение монашества для русской церкви и общества в Киевский период. Стр. 121—123.
- в) Ивана Минкевича, Значение монашества для русской церкви и общества в Киевский период. Стр. 147—148.
- г) Сергея Некрасова, Церковная благотворительность в древней Руси. Стр. 149—151.
- д) Андрея Розанова, История церковной жизни в Ростовском крае в Киевский период. Стр. 171—172.
- е) Ивана Троицкого, Быт и нравы древнерусского общества по поучениям древнерусских проповедников (XI—XVI вв.) Стр. 180—181.

74—77. Отзывы о сочинениях на степень кандидата богословия студентов 53-го курса Московской Духовной Академии в «Журналах заседаний Совета Московской Духовной Академии» за 1898 год. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1899:

- а) Александра Луговского, Сношения древнерусских иноков с православным востоком. Стр. 105—106.
- б) Александра Пискарёва, Значение Великого Новгорода в истории распространения христианства на русском севере. Стр. 114—115.
- в) Михаила Стеблева, Взгляд древнерусских людей на протестантов. Стр. 143—144.
- г) Венедикта Туркевича, История утверждения христианства в южнорусской степи. Стр. 145—147.

78—81. Отзывы о сочинениях на степень кандидата богословия студентов 54-го курса Московской Духовной Академии в «Журналах заседаний Совета Московской Духовной Академии» за 1899 год. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900:

- а) Николая Волнина, Старец Артемий, бывший игумен Троицкий. Стр. 142—143.
- б) Фёдора Кохановича, Борьба древнерусской церкви с волшебством. Стр. 151—152.
- в) Никанора Крестианполя, Древнерусские поучения, обращённые к пастырям церкви. Стр. 152—153.
- г) Владимира Славского, Святой Алексей, митрополит Всероссийский. Стр. 195—196.

82—85. Отзывы о сочинениях на степень кандидата богословия студентов 55-го курса Московской Духовной Академии в «Журналах собраний Совета Московской Духовной Академии» за 1900 год. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1901:

- а) Александра Платонова, Паломничество в древней Руси. Стр. 94—97.

- б) Сергея Смирнова, Влияние церкви на семейный быт древней Руси. Стр. 116—117.
- в) Владимира Шипулина, Святой Владимир. Стр. 132—133.
- г) Григория Шаповаленко, История древнерусского прихода. Стр. 275—276.

86—89. Отзывы о сочинениях на степень кандидата богословия студентов Московской Духовной Академии в «Журналах заседаний Совета Московской Духовной Академии» за 1901 год. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1902:

- а) Студента 56-го курса Фёдора Лавровского, Апокрифический элемент в произведениях древнерусских паломников. Стр. 122—123.
- б) Студента 56-го курса Василия Покровского, О погребальных обрядах в древней Руси по письменным известиям. Стр. 140.
- в) Студента 56-го курса Петра Постникова, Александр Васильевич Горский как историк русской церкви. Стр. 146—148.
- г) Действительного студента 56-го курса Ивана Жданова, Илия-Иоанн, архиепископ Новгородский. Стр. 209—210.

90—93. Отзывы о сочинениях на степень кандидата богословия студентов 57-го курса Московской Духовной Академии в «Журналах заседаний Совета Московской Духовной Академии» за 1902 год. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904:

- а) Сергея Лебедева, Взаимное отношение великокняжеской и митрополичьей власти на Руси от нашествия монголов до учреждения патриаршества. Стр. 239—240.
- б) Николая Пограницкого-Сергиева, Крестцовое духовенство. Стр. 270—271.
- в) Александра Померанцева, Церковная жизнь в России в первой четверти XVIII столетия по сочинениям Посошкова. Стр. 272—274.
- г) Сергея Сахарова, Вопрошание Кирика. Стр. 370—371.

94—96. Отзывы о сочинениях на степень кандидата богословия студентов 58-го курса Московской Духовной Академии в «Журналах собраний Совета Московской Духовной Академии» за 1903 год. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904:

- а) Анатолия Малевича, История Базилианского ордена в западно-русской церкви. Стр. 175—179.
- б) Аркадия Студенского, Церковные люди в древней Руси. Стр. 210—211.
- в) Павла Чулкова, Гавриил Бужинский. Стр. 227—229.

87—99. Отзывы о сочинениях на степень кандидата богословия студентов 60-го курса Московской Духовной Академии в «Журналах собраний Совета Московской Духовной Академии» за 1905 год. Сергиев Посад, 1906:

- а) Антона Бориса, Древнерусский епископ в отношении к приходскому духовенству. Стр. 163—165.
- б) Владимира Никитского, Благотворительная деятельность Троицкой Лавры в прежнее время. Стр. 193—194.
- в) Константина Успенского, Быт и жизнь русского духовенства XVII века по сочинениям первых расколочителей. Стр. 229—230.

100—101. Отзывы о сочинениях на степень кандидата богословия студентов 61-го курса Московской Духовной Академии в «Извлечении из Журналов собраний Совета Московской Духовной Академии» за 1906 год. Сергиев Посад, 1907:

- а) Василия Парнасского, Судьба соборности в древней русской церкви. Стр. 161—162.
- б) Владимира Андреева, Монастырская колонизация на севере в древней Руси. Стр. 244—245.

102—105. Отзывы о сочинениях на степень кандидата богословия студентов 62-го курса Московской Духовной Академии в «Извлечении из Журналов собраний Совета Московской Духовной Академии» за 1907 год. Сергиев Посад, 1908:

- а) Евстафия Вишневецкого, Отношение русской церкви к государству в синодальный период. Стр. 148.
- б) Харитона Иванова, Монастыри как место заключения. Стр. 159—160.
- в) Ивана Пятикрестовского, Фотий Спасский, архимандрит Юрьевский, и его время. Стр. 172—173.
- г) Михаила Харитонова, Отношение Русской Церкви к освободительному движению в прошлом и настоящем. Стр. 288.

106—108. Отзывы о сочинениях на степень кандидата богословия студентов 63-го курса Московской Духовной Академии в «Извлечении из Журналов собраний Совета Московской Духовной Академии» за 1908 год. Сергиев Посад, 1909:

- а) Михаила Волосевича, Пётр I и монашество. Стр. 82—83.
- б) Петра Троицкого, Киприан, митрополит Новгородский. Стр. 126—127.
- в) Александра Успенского, Иларион, митрополит Киевский. Стр. 127—129.

109—111. Отзывы о сочинениях на степень кандидата богословия студентов 61-го курса Московской Духовной Академии в «Журналах собраний Совета Московской Духовной Академии» за 1909 год. Сергиев Посад, 1910:

- а) Петра Ярославского, Почитание Святителя Николая в древней Руси. Стр. 181—185.
- б) Николая Назарьева, Духовники русских князей, великих и удельных, и Московских царей. Стр. 255—257.
- в) Николая Околовича, Жития святых, помещённые в Степенной Книге. Стр. 412—413.

112—116. Отзывы о сочинениях на степень кандидата богословия студентов 65-го курса Московской Духовной Академии в «Журналах собраний Совета Московской Духовной Академии» за 1910 год. Сергиев Посад, 1911:

- а) Василия Александровского, Раскольничьи жития святых XVII—XVIII веков как литературный и исторический памятник. Стр. 81—83 (1-й отзыв).
- б) Алексея Доброхотова, Погребальные обычаи и представления о загробном мире в древней Руси. Стр. 130—131 (1-й отзыв).
- в) Платона Казанского, Керженские ответы. Их происхождение, содержание и общая оценка с точки зрения православной противораскольнической полемики. Стр. 141 (2-й отзыв).
- г) Виктора Преображенского, Московские митрополиты времени Грозного после митрополита Макария. Стр. 188—189 (1-й отзыв).
- д) Николая Щукина, Рукописная библиотека Иосифо-Волоколамского монастыря и её история. Стр. 254—257 (1-й отзыв).

117—123. Отзывы о сочинениях на степень кандидата богословия студентов Московской Духовной Академии в «Журналах собраний Совета Московской Духовной Академии» за 1911 год. Сергиев Посад, 1912:

- а) Действительного студента 66-го курса Василия Теплова, Древнерусская женщина и отношение к ней церкви. Стр. 161—162 (1-й отзыв).
- б) Студента 66-го курса Александра Венустова, Старчество в древних русских монастырях. Стр. 182—183 (1-й отзыв).
- в) Студента 66-го курса Андрея Гиляревского, Русская церковь XVI столетия в изображении барона Герберштейна. Стр. 191—192 (1-й отзыв).
- г) Студента 66-го курса Сергея Житникова, Южно-славянские покаянные номоканоны. Стр. 211—213 (1-й отзыв).
- д) Студента 66-го курса Священника Тихона Лаврова, Обзор законодательства и административных мероприятий Святейшего Синода в царствование Государей Александра II и Александра III. Стр. 248 (2-й отзыв).
- е) Студента 66-го курса Ивана Павловского, Соборное духовенство в древней Руси. Стр. 303—304 (1-й отзыв).
- ж) Действительного студента 59-го курса Николая Кебрина, Древнерусские иноческие уставы. Стр. 513—515.

124—127. Отзывы о сочинениях на степень кандидата богословия студентов 67-го курса Московской Духовной Академии в «Журналах собраний Совета Московской Духовной Академии» за 1912 год. Сергиев Посад, 1913:

- а) Священника Михаила Ефремова, Русская религиозная жизнь в половине XVII в. по сочинению архидиакона Павла Алеппского. Стр. 250 (2-й отзыв).
- б) Николая Ильинского, Василий Осипович Ключевский как историк русской церкви. Стр. 263—264 (1-й отзыв).
- в) Иосифа Мацкевича, Русская церковь в изображении Флетчера. Стр. 306—307 (1-й отзыв).
- г) Ивана Чернышёва, Гражданско-правовое положение раскола в царствование Александра II. Стр. 444 (2-й отзыв).

128—130. Отзывы о сочинениях на степень кандидата богословия студентов 68-го курса Московской Духовной Академии в «Журналах собраний Совета Императорской Московской Духовной Академии» за 1913 год. Сергиев Посад, 1914:

- а) Василия Зедгенизева. История распространения христианства на Руси с нашествия монголов до конца XVI в. Стр. 251—252 (1-й отзыв).
- б) Николая Никольского, Русская церковь в Смутное время. Стр. 322—324 (1-й отзыв).
- в) Александра Романова. Раскол старообрядчества в Поморье в XVII—XVIII веках. Стр. 357—358 (2-й отзыв).

131—134. Отзывы о сочинениях на степень кандидата богословия студентов 69-го курса Московской Духовной Академии в «Журналах собраний Совета Императорской Московской Духовной Академии» за 1914 год. Сергиев Посад, 1916:

- а) Тихона Беляева, Старообрядчество в последнее тридцатилетие (1883—1913 гг.). Стр. 247—248 (2-й отзыв).
- б) Георгия Доброва. Н. И. Костомаров как историк русской церкви. Стр. 298—299 (1-й отзыв).
- в) Николая Лебедева, Волоколамский Патерик. Стр. 344—346 (1-й отзыв).
- г) Тихона Нечаева. Древнерусские жития юродивых. Стр. 366—367 (1-й отзыв).

135. Отзыв о сочинении на степень кандидата богословия студента 70-го курса Московской Духовной Академии в «Журналах собраний Совета Императорской Московской Духовной Академии» за 1915 год. Сергиев Посад, 1917:

- а) Николая Драчёва, Четьи-Минеи до-Макарьевского состава. Стр. 230—237 (2-й отзыв).

В «Годичных Отчётах Московской Духовной Академии» за 1897—1915 годы напечатаны программы курса Русской Церковной Истории, читанного покойным в Академии за эти годы; в «Журналах Совета Московской Духовной Академии» за те же годы, в донесениях экзаменационных комиссий по приёму новых студентов в академию, его донесения об экзаменах по Русской Церковной Истории.

Остались ненапечатанными следующие работы Профессора С. И. Смирнова:

1) Рабство в древней Руси и отношение к нему Церкви — сочинение на степень кандидата богословия. Отзыв о нём Профессора В. О. Ключевского в «Журналах Совета Московской Духовной Академии» за 1895 год. Сергиев Посад, 1897. Стр. 160—162.

2) О посланиях Артемия, игумена Троицкого — читанная, по назначению Совета Московской Духовной Академии, пробная лекция по кафедре русской церковной истории (см. «Журналы Совета Московской Духовной Академии» за 1896 год. Сергиев Посад, 1897, стр. 92).

3) Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней Святого Димитрия Ростовского, с объяснительными примечаниями и изображениями святых (Минеи Четьи на русском языке). Книги дополнительные вторая и третья (Жития русских святых. Месяцы январь—август). Издание Московской Синодальной Типографии. Покойным подготовлено много житий для этих книг и проредактировано для печати.

4) Отзыв о книге Протоиерея И. И. Кузнецова, Святые блаженные Василий и Иоанн Христа ради юродивые, Московские чудотворцы. Москва, 1910, представленной в Императорскую Академию Наук на соискание премии графа Уварова; книга не удостоена премии, и отзыв о ней не напечатан; составитель отзыва получил золотую медаль (смотри Отчёт о 53-м присуждении наград графа Уварова. Записки Императорской Академии Наук, VIII-е série. По историко-филологическому отделению. Том XI. № 5. СПб., 1912, стр. 9).

5) Отзыв о сочинении на степень доктора церковной истории Н. И. Серебрянского, Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. Москва, 1915, и Отзывы о сочинениях на степень кандидата богословия 71-го курса Московской Духовной Академии — имеют появиться в «Журналах собраний Совета Московской Духовной Академии» за 1916 год.

Покойный С. И—ч взял на себя обработку для научного издания книги Руфь для Комиссии по научному изданию Славянской Библии (смотри Известия Библейской Комиссии 1916 г., № 1, Петроград, 1916, стр. 3), но смерть помешала осуществить это предприятие,

С 25 января 1911 года С. И—ч состоял действительным членом Общества Истории Литературы в Москве и 17 октября 1912 года в заседании Общества читал доклад: Послание Иакова Черноризца к Божию слуге (великому князю) Димитрию (о докладе и прениях по поводу его смотри Протоколы заседаний Общества в книге: Беседы. Сборник Общества Истории Литературы в Москве. I. Москва, 1915, стр. 35—37; доклад вошёл в состав его издания: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. (Тексты и заметки.) Москва, 1912, стр. 431—446, сравни 189—194.

К. Попов.

Именной указатель

- Аввакум Петров 20
 Агрефений архимандрит 26
 Азбукин М. П. 29
 Александровский В. 31
 Алексей митрополит Всероссийский .. 29
 Алмазов А. И. 9, 18, 20, 26
 Андреев В. 30
 Андреев И. Д. 8, 16, 17, 19, 24
 Андрей Смоленский святой 25
 Арсений архиепископ Новгородский .. 18
 Артемий игумен Троицкий 6, 29, 32
 Артоболовский И. А. 4, 5
 Афанасий архиепископ
     Александрийский 28

 Базаров И. И. 27, 28
 Барсов Е. В. 28
 Бахрушин А. П. 28
 Беляев Т. 32
 Бенешевич В. Н. 23
 Бережков И. 29
 Благовидов Ф. В. 27
 Богословский М. М. 6, 9, 26, 28
 Борис А. 30
 Бронзов А. А. 24

 Валлон А. 14
 Варлаам Керетский святой 25
 Васенко П. 27
 Василий блаженный 33
 Введенский А. И. 10, 23
 Венустов А. 31
 Верховский П. 24
 Вишневецкий Е. 31
 Владимир Мономах князь 27
 Владимир святой 30
 Волнин Н. 29
 Волосевич М. 31

 Гавриил Бужинский епископ 30
 Герман Валаамский святой 26
 Гермоген патриарх 27
 Гидулянов П. 24
 Гиляревский А. 31
 Глубоковский Н. Н. 24, 25
 Голубев С. 27
 Голубинский Е. Е. 5, 6, 8, 10, 12–14, 16,
     23, 25–27
 Голубцов А. П. 11, 25, 28
 Городенский Н. Г. 4
 Горский А. В. ... 4, 10, 12, 22, 23, 26, 30
 Горский С. 29
 Гречев Б. Г. 11
 Громогласов И. М. 24
 Гумилевский священник 28

 Даниил Переславский святой 10, 24
 Диодор Юрьегорский святой 25
 Дмитрий ростовский князь 19, 33
 Добров Г. 32
 Добронравов Н. П. 4
 Доброхотов А. 31
 Драчёв Н. 32
 Дружинин В. Г. 26
 Дьяконов М. А. 26

 Евдоким Мещерский архиепископ . 8, 10,
     23, 24
 Елеонская Е. 25
 Епифаний Премудрый 26
 Ефремов М. 32

 Жданов И. 30
 Житников С. 31
 Жукович П. Н. 28

 Загорский М. В. 3, 4
 Заозерский Н. А. 8, 16, 24
 Зарин С. 24
 Зедгенизов В. 32

 Иаков Черноризец 19
 Ивакин И. М. 27
 Иван Неронов 20
 Иванов Х. 31
 Иларион архимандрит 12
 Иларион митрополит Киевский ... 23, 31
 Илия архиепископ Новгородский 30
 Ильинский Н. 32
 Иоанн блаженный 33
 Иона Маленький 24

 Кадлубовский А. 27
 Казанский П. 31
 Казанский П. С. 24
 Каптерев Н. Ф. 23, 24
 Кебрин Н. 31
 Кедров С. 27

Киприан митрополит Новгородский . . .	31	Постников П.	30
Климент епископ Словенский	29	Преображенский В.	31
Ключевский В. О. 5–7, 10, 13–15, 17–19, 22, 23, 25, 28, 32		Пятикрестовский И.	31
Коновалов Д. Г.	24	Розанов А.	29
Костомаров Н. И.	32	Романов А.	32
Коханович Ф.	29	Рубцов М. В.	27
Крестинполь Н.	29	Сахаров С.	30
Крестов С. П.	23	Сергий архиепископ Владимирский . . .	27
Круглов А. В.	10, 23	Сергий Валаамский святой	26
Кузнецов И. И.	33	Сергий Радонежский святой	22
Лавров Т.	31	Серебрянский Н. И.	12, 28, 29, 33
Лавровский Ф.	30	Славский В.	29
Лебедев Н.	32	Смирнов И. С.	3
Лебедев С.	30	Смирнов М. И.	3
Леонид Краснопевков епископ	28	Смирнов С. К.	12
Лопарёв Х. М.	27	Смирнов С. (студент)	30
Лопухин А. П.	23–25	Смирнова В. М.	12
Луговской А.	29	Смирнова (Загорская) А. В.	3
Макарий патриарх Антиохийский	27	Спасский А. А.	23
Малевич А.	30	Сперанский М. Н.	19, 27
Малинин В.	28	Срезневский В. И.	28
Малицкий Н. В.	27	Стеблев М.	29
Мацкевич И.	32	Стефан епископ Пермский	26
Милюков П. Н.	27	Стефан Яворский митрополит	28
Минкевич И.	29	Студенский А.	30
Муркос Г.	27	Суворов Н. С.	24
Назарьев Н.	31	Теплов В.	31
Некрасов С.	29	Титов Ф. И.	23
Нечаев Т.	32	Тихонравов Н. С.	26
Никитский В.	30	Трифон Коробейников	27
Николай святой	31	Троицкий И.	29
Никольский Н. К.	26, 27	Троицкий П.	31
Никольский Н. (студент)	32	Троицкий С.	24
Никон Рождественский архиепископ . 10, 23		Туницкий Н. Л.	29
Нифонт епископ Новгородский	18	Туркевич В.	29
Околович Н.	31	Успенский А.	31
Ольховский Г.	27	Успенский К.	30
Орлов А. П.	26	Филарет митрополит Московский	28
Павел Алеппский	27, 32	Филофей старец	28
Павел апостол	25	Флетчер Д.	32
Павловский И.	31	Фотий Спасский архимандрит	31
Паисий Галичский святой	26	Харитонов М.	31
Папков А. А.	27, 28	Харлампович К.	23
Парнасский В.	30	Чернышёв И.	32
Петрушевский П.	22–24	Чулков П.	30
Пётр I царь	31	Шаповаленко Г.	30
Пискарёв А.	29	Шервинский В. Д.	12
Платонов А.	29	Шипулин В.	30
Пограницкий-Сергиев Н.	30	Шмелёв Г. Н.	28
Покровский В.	30	Шостьин А. П.	28
Померанцев А.	30	Щукин Н.	31
Пономарёв А. И.	26	Ярославский П.	31
Попов И. В.	25		
Посошков И. Т.	28, 30		

Предметный указатель

- Академия наук 9, 20, 26, 33
 археологический съезд 18
- Базилианский орден 30
 Бахрушинская премия 28
 Большая Брембола село 3, 17
- Византия 7, 14, 16
 Вифанская духовная семинария 4
- говение 9, 23
- духовничество 7–9, 16–20, 23–25, 31
- Иерусалим город 26
- Киевская духовная академия 27
 крещение 9, 23
- Макариевская премия 9, 23–26, 28
 монашество 9, 10, 23, 24
 Москва город 12
 Московская духовная академия ... 4, 8, 9,
 12, 17, 19, 22, 23, 25
- Московский сельскохозяйственный
 институт 4
 Московский университет ... 6, 14, 16, 19
 Московское общество трезвости 22
- Новгород город 18, 29
- Общество истории и древностей ... 18, 28
 Общество истории литературы 19, 33
 Общество любителей письменности ... 27
- пасха 9, 22
 Переславское духовное училище 3
 Переяславская улица 5
 протестанты 29
 Псков город 28, 29
- Ростов город 29
- Сергиев Посад город 3, 5, 12
 Синод 9, 26, 31
 Синодальная типография 10, 11
 Степенная книга 31
- Уваровская премия 9, 20, 26, 33

Церковный указатель

Данилов монастырь	18, 24	Преображенский собор (Нижний Новгород)	28
Елеазаров монастырь	28	Преображенский собор (Холмогоры) ...	28
Иосифо-Волоколамский монастырь	31	Софийский собор (Новгород)	28
Кирилло-Белоозерский монастырь	27	Троице-Сергиева лавра	30
Константинопольский патриархат	8	Успенский собор (Москва)	28
Печерский монастырь	6, 22	Холмская епархия	27

Оглавление

С. И. Смирнов. (А. О.)	3
Памяти профессора С. И. Смирнова. (М. Богословский)	13
Список печатных трудов † профессора С. И. Смирнова. (К. Попов)	22
I. Статьи, исследования и издания, речи и доклады	22
II. Отзывы о книгах и обзоры журналов	26
III. Отзывы о сочинениях на учёные степени	28
Именной указатель	34
Предметный указатель	36
Церковный указатель	37